

А. Н. ТОЛСТОЙ
В РУССКОЙ
КРИТИКЕ

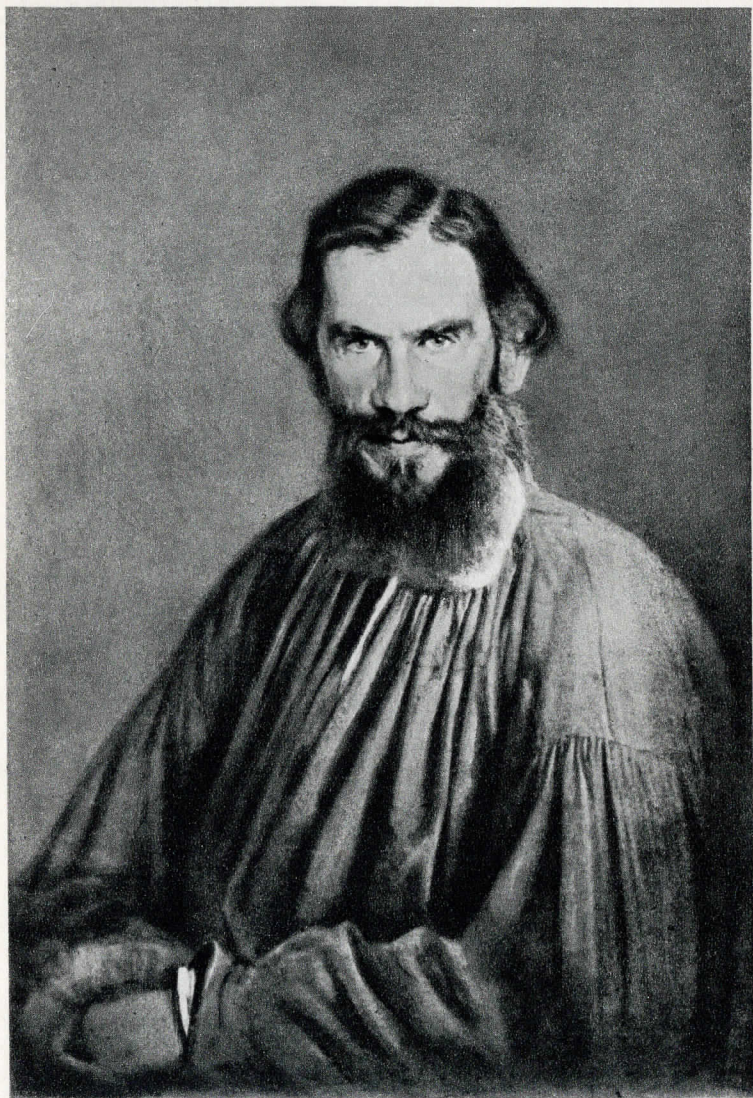

Л 20 $\frac{Г-3}{245а}$

Л. Н. ТОЛСТОЙ В РУССКОЙ КРИТИКЕ

Сборник статей

*Вступительная статья
и примечания
С. П. Бычкова*

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Портрет маслом И. Н. Крамского 1873 г.

Государственное издательство
Художественной литературы
1949

Л. Толстой

ТОЛСТОЙ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

Лев Николаевич Толстой родился в 1828 году, когда Пушкин в полном расцвете своего гения создавал один шедевр за другим, когда только что созрели дарования Лермонтова и Гоголя. Жизнь Пушкина и Лермонтова трагически оборвалась, когда он был еще отроком. В год смерти Гоголя в печати появилось первое произведение Толстого «Детство». На авансцену литературной жизни выдвинулись писатели, которые были немногим старше Толстого, это прямые наследники Гоголя, продолжатели реалистических традиций «натуральной школы»: Тургенев, Некрасов, Герцен, Григорович, Писемский, Гончаров, Островский. Спустя некоторое время литература обогатилась именами его ровесников: Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, но и их не стало, а Толстой продолжал жить и работать. Уже будучи знаменитым, он встретил молодое поколение писателей: Гаршина, Г. Успенского, Короленко, Чехова; многие из них умерли еще при жизни Толстого. При нем же появилась поросль реалистов двадцатого века: Куприн, Вересаев. С Толстым встречался А. М. Горький, основоположник литературы социалистического реализма. Он оплакивал смерть великого писателя в 1910 году. Так Толстой выступает живым связующим звеном между русской классической литературой и новой литературой.

Целых шестьдесят лет в русскую жизнь всматривались пытливые глаза великого художника, а его мысль билась над решением насущных вопросов современности.

Толстой оставил огромное литературное наследие: три крупных романа, десятки повестей, сотни рассказов, несколько народных драм, трактат об искусстве, множество публицистических и литературно-критических статей, тысячи писем, целые томы дневников.

И на всем этом трудно обозримом наследии лежит печать неутомимых идейных исканий великого писателя.

Естественно, что многогранная жизнь Толстого, его исключительное по своему богатству творчество являлись на протяжении этих многих лет предметом самых разнообразных и разноречивых критических оценок. О Толстом писали газеты и журналы всех политических направлений, его имя в иные годы не сходило со страниц периодической печати. В общей сложности о нем написано тысячи критических статей и рецензий, но преобладающее большинство их уже справедливо забыто и стало достоянием библиографов, значительно меньшая часть представляет еще известный исторический интерес, и совсем немногие сохранили все свое живое значение до наших дней. К сожалению, лишь ранние произведения Толстого нашли оценку в революционно-демократической критике, выдающиеся представители этой критики Чернышевский и Добролюбов уже не смогли сказать своего слова о шедеврах великого писателя — его романах. Поэтому «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» не получили в современной им критике настоящего раскрытия и освещения. По своему идейно-теоретическому уровню эта критика оказалась неизмеримо ниже величайших созданий Толстого.

Только много лет спустя, уже на закате своей творческой деятельности, Толстой получил глубочайшее научное истолкование в гениальных статьях Ленина. Ленин дал исчерпывающий ответ на все вопросы, связанные с правильным осмыслением мировоззрения и литературного наследия Толстого. И все сказанное до него даже в лучших критических статьях о Толстом являлось лишь известным приближением к подлинному пониманию литературного наследия великого писателя во всей его сложной идейной противоречивости. Этим и определяется наше отношение к домарксистской критической литературе о Толстом.

Настоящая статья не преследует задачи исчерпывающего обзора всей критической литературы о Толстом, она написана с целью ориентировать читателя в основной литературе, посвященной крупнейшим произведениям великого писателя и важнейшим этапам его идейного развития.

* * *

Толстой выступил в литературе в самом начале пятидесятих годов прошлого столетия. В течение 1852—1855 годов на страницах «Современника» появляются его повести: «Детство», «Отрочество» и рассказы: «Набег», «Рубка леса», «Севастополь в декабре месяце»,

«Севастополь в мае». Первый из рассказов, подписанный полным именем писателя—«Севастополь в августе 1855 года», был напечатан в январской книжке «Современника» за 1856 год.

Уже первые произведения Толстого возбудили страстный интерес у современников. Критики в один голос заговорили о выдающихся художественных достоинствах его первых повестей: «Детство» и «Отрочество», отмечали новизну и цельность поэтического восприятия действительности, ставили молодого писателя в один ряд с прославленными представителями современной ему литературы — Тургеневым и Гончаровым. «Севастопольские рассказы», созданные на материале эпической обороны Севастополя, упрочили его славу глубоко оригинального писателя. Прочитав рассказ «Севастополь в декабре месяце», Тургенев сказал И. И. Панаеву, что статья Толстого о Севастополе «чудо», что он «прослезился, читая ее». И. И. Панаев писал Толстому, что его военные рассказы «с жадностью» читает «вся Россия» и что все «с страшным нетерпением» ждут буквы Л. Н. Т. (этими буквами Толстой подписывал свои первые произведения.— С. Б.). Н. Добролюбов записывал в своем дневнике: «Л. Н. Т., обративший общее внимание своим «Детством и Отрочеством», есть гр. Толстой, теперь он находится в Севастополе»¹. В критике отмечалось, что Толстой своими рассказами открыл читателям совершенно новый, неизвестный им доселе мир, что его произведения, отличаясь глубокой и неподдельной поэзией, являются «истинным и счастливым нововведением в описании военных сцен». Таким образом не «воинствующим архаистом», как доказывалось в специальной «научной» литературе, а художником-новатором вошел Толстой в русскую литературу.

Именно поэтому молодой писатель и его произведения уже в середине пятидесятых годов стали объектом борьбы между революционно-демократической и либерально-дворянской критикой.

В ходе начавшейся подготовки «крестьянской» реформы в среде писателей, объединившихся вокруг самого передового органа эпохи—«Современника», происходит резкое политическое размежевание. Углубление классовой борьбы в стране проявляется в литературе в форме обостряющейся общественно-политической и литературно-критической борьбы революционных демократов с либералами. Группа либералов во главе с А. В. Дружининым, В. П. Боткиным, П. В. Анненковым теряет в литературе свое бывшее влияние. Руководство «Современником» переходит в руки выдающихся предста-

¹ Н. А. Добролюбов, Дневники, М., 1932, стр. 107.

вителей революционной демократии — Чернышевского и Добролюбова.

Важнейшими документами борьбы революционных демократов с идеалистической эстетикой и критикой либерального лагеря были появившиеся в печати магистерская диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) и цикл его же статей «Очерки гоголевского периода русской литературы»¹. В этих произведениях Чернышевский выступил с развернутым изложением материалистической эстетики, подвергнув сокрушительной критике немецкую идеалистическую философию, которая являлась основой всех умозрительных построений теоретиков «чистого искусства». Критик убедительно доказывал, что «исключительно идеей прекрасного» не создано ни одного значительного произведения. Пафос его «Очерков» заключался в раскрытии революционно-демократического и социалистического содержания критического наследства Белинского, имевшего злободневный смысл и в пятидесятые годы.

А. В. Дружинин в статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наше к ней отношение»² выступил с полемическим ответом на «Очерки» Чернышевского. Он пытался оспаривать основные положения революционно-демократической критики, резко осуждавшей реакционные заблуждения Гоголя. По его мнению, Гоголь «художник чистый» и только Белинский сделал из него «какого-то страдальца за наши пороки», сатирика и обличителя.

«Все критические системы» и «воззрения» прошлого и настоящего Дружинин «подводит» под две «вечно одна другой противодействующие теории», из которых одну он называет «артистической», «имеющей лозунгом чистое искусство для искусства», другую «дидактической», «стремящейся действовать на нравы, быт и понятия человека через прямое его поучение». Все симпатии критика, разумеется, на стороне «артистической» теории, ибо только она опирается на неопровержимые «умозрения» и проповедует «бесцельность» искусства. Только чистые поэты могут рассчитывать на «вечную память потомства», «дидактики» же неизбежно «погружаются в пучину полного забвения»³.

Реакционность подобных утверждений очевидна. Статья Дружинина даже среди лиц, сочувствующих ему, получила отрицательную оценку. «...От нее веет холодом и тусклым беспристрастием, —

¹ «Современник», 1855, № 12; 1856, №№ 1, 2, 4, 7, 9—12.

² «Библиотека для чтения», 1856, №№ 11 и 12.

³ А. В. Дружинин, Собр. соч., т. VII, стр. 214, 216.

писал Тургенев Колбасину, — этими искусно спеченными пирогами в «нетом» — никого не накормишь»¹.

В статье «Очерки из крестьянского быта» А. Ф. Писемского Дружинин с позиций «артистической» теории производил «радикальную» переоценку современных ему писателей. За отсутствием последователей «артистической» теории в русской литературе критик перекрашивал в чистых художников всех крупных писателей современности, развивавшихся в русле «натуральной школы». Островский, Писемский, Гочаров и Толстой вполне достойны, по его мнению, «зваться новейшими представителями чистого и независимого творчества»². Касаясь подобных ухищрений Дружинина, С. Венгеров совершенно справедливо писал впоследствии: «Из русских писателей он (т. е. Дружинин.— С. Б.) всех ему симпатичных всевозможными софизмами зачислял в ряды представителей чистого искусства, оказываясь при этом мало проницательным диагностиком и еще менее удачным пророком»³.

В противовес демократической критике, звавшей к борьбе с самодержавно-крепостническим строем, к осуществлению высоких освободительных идеалов, Дружинин ратовал за литературу открыто реакционную, пытался насаждать идеи примирения с действительностью. Художники слова, по его мнению, должны отражать в своих произведениях «светлый взгляд на вещи», «беззлобное отношение к действительности», «любящий, симпатический взгляд на людей и на дела людские»⁴.

Эта борьба двух лагерей не могла не коснуться Толстого и его творчества. Теоретики и защитники «чистого искусства», все эти дудышкины, анненковы, дружинины, пытались так «истолковать» произведения Толстого, чтобы убедить молодого и еще недостаточно искусного в эстетических учениях писателя в закономерности и жизненной необходимости его прихода под знамена «чистого искусства».

Присяжный критик «Отечественных записок» С. Дудышкин в своих статьях о «Детстве», «Отрочестве» и военных рассказах заявлял, что новый писатель является «по преимуществу художником в душе». Ему вторил П. Анненков в статье «О мысли в произведениях изящной словесности»⁵. Оценивая произведения Тургенева и

¹ Первое собр. писем Тургенева, СПб., стр. 37, 14/XII 1856.

² А. В. Дружинин, Собр. соч., т. VII, стр. 263.

³ См. Энциклопед. словарь Брокгауз и Эфрон, т. XXI, стр. 191.

⁴ А. В. Дружинин, Собр. соч., т. VII, стр. 266.

⁵ «Современник», 1855, т. 49, № 1, отд. III.

Толстого с «эстетической» точки зрения, он касался лишь формально понятых особенностей поэтического таланта того и другого. Наиболее откровенно намерения этой школки «чистого искусства» высказаны А. В. Дружининым в статье, посвященной анализу повестей Толстого «Метель» и «Два гусара»¹.

Дружинин создает лживую либеральную легенду о полной отрешенности нового писателя от политических задач современности. Он пытается представить Толстого художником, будто бы глубоко чуждым «преднамеренной дидактике» и «наставительным умозрениям». Толстой в его освещении является одним из «бессознательных представителей теории «свободного творчества», одним из любителей «искусства чистого», иначе он не мог бы создать такие произведения, как «Метель» и «Два гусара». Последняя из названных повестей свидетельствует якобы о том, что писатель относится к своим героям без гнева и сострадания, с «артистическим бесстрашием», не стремясь играть роль обличителя пороков современного ему общества.

Как видим, Дружинин и его сторонники пытались внушить Толстому веру в самоценность «чистого искусства», направить его дарование в сторону от общественно-политических задач современности, лишить его творчество значительного социального содержания и фактически поставить на службу литературным гурманам.

Чернышевский и Некрасов понимали всю губительность такого пути для Толстого и с тревогой следили за его продолжавшимся сближением с Дружининым, Боткиным, Анненковым. Чернышевский не без основания опасался, как бы «литературные гастрономы» не погубили большой художественный талант Толстого. Он стремился всеми возможными средствами воздействовать на писателя, «получить над ним некоторую власть — а это было бы хорошо и для него и для «Современника»², убедить Толстого в необходимости дальнейшего развития его творчества в реалистическом направлении.

Некрасов в свою очередь, горячо приветствуя посвящение Толстого в литературу, одним из первых дал наиболее глубокую оценку его таланта. В повести «Детство» он отмечал в качестве неотъемлемых достоинств «простоту и действительность содержания»³.

¹ «Библиотека для чтения», 1856, т. 139, отд. V.

² Письмо Некрасову от 5/II 1856 г. См. Переписку Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым, А. С. Зеленым, М.—Л., 1925, стр. 36.

³ Некрасов. Соч., т. V, Письма, М.—Л., 1930, стр. 167.

«Отрочество» окончательно убедило его в самобытности дарования молодого писателя. Он сообщает Толстому об огромном успехе рассказа «Севастополь в декабре месяце» и пишет восторженное письмо Тургеневу о рассказе «Рубка леса»: «Знаешь ли, что это такое? Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), то есть вещь донныне небывалая в русской литературе»¹. 2 сентября 1855 г. в письме к Толстому Некрасов делает уже более глубокие выводы о природе его дарования. Отмечая стремление Толстого к «глубокой и трезвой правде» в искусстве, он выражает полное одобрение реалистическому направлению его таланта. «Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в вашем даровании. Эта правда в том виде, в каком вносите вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое»². Письмо заканчивалось советом писать очерки, подобные «Рубке леса»: «О солдате ведь наша литература донныне ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой форме ни высказали вы все, что знаете об этом предмете, — все это будет в высшей степени интересно и полезно»³.

Живо откликаясь и в дальнейшем на каждый новый творческий успех Толстого, Некрасов убеждал писателя остаться верным реалистическому направлению русской литературы, отдать свой талант на службу демократическим идеалам. «Я люблю... в вас, — писал он Толстому, — великую надежду русской литературы, для которой вы уже многое сделали и для которой еще более сделаете, когда поймете, что в вашем отечестве роль писателя — есть прежде всего роль учителя, и по возможности заступника за безгласных и приниженных»⁴.

В критических обзорах Некрасова, публиковавшихся в «Современнике», содержится тонкая и проникновенная характеристика ряда ранних произведений Толстого. В статье «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»⁵ он отмечал глубоко новаторскую сущность рассказа Толстого «Рубка леса». Поэт писал: «Со времени фразистых повестей Марлинского, в которых и офицеры и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов, — мы не

¹ Некрасов. Соч., т. V, Письма, стр. 216.

² Там же, стр. 219—221.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 257. 3/IX 1856 г.

⁵ «Современник», 1855, № 10, стр. 165—185.

имели ничего о русском солдате. И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир». Критик высоко расценивал художественное мастерство рассказа, его глубокую правдивость в изображении солдатских характеров. «Еще несколько таких очерков, и военный быт перестанет быть темною загадкою».

В следующей статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 гг.», явившейся фактически обзором русской литературы за 1855 год, Некрасов писал о Толстом как о новом, блестящем даровании, «на котором останавливаются теперь лучшие надежды русской литературы». Касаясь всех произведений писателя, опубликованных в «Современнике», он уделил особое внимание рассказу «Севастополь в августе 1855 года», отозвавшись о нем как о «первоклассном» произведении: «...Меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных заметок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — сила, всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове — вот достоинства повести»¹.

Некрасов верно угадал многие особенности таланта Толстого. Однако более целостная характеристика оригинального дарования художника содержится в высказываниях Чернышевского. Уже в первой статье, посвященной «Детству», «Отрочеству» и «Военным рассказам», великий критик дал тонкое истолкование глубокого своеобразия таланта Толстого, поставив его в связь с развитием русской литературы и определив степень его новаторства. Он мастерски охарактеризовал напряженный психологизм Толстого, справедливо полагая, что психологический анализ дает подлинную силу таланту писателя. Многие художники до него ограничивались лишь изображением начала и конца психического процесса, не показывая самого процесса рождения мысли или чувства. Их психологический анализ поэтому носил «результативный» характер. Толстой превосходит этих художников самой природой своего дарования, позволяющего ему проникать в те сферы человеческой жизни, к которым не прикасались его предшественники.

Чернышевский правильно отмечал, что писатель, способный подвергать такому беспощадному анализу поступки, мысли, переживания других людей, должен был пройти огромную школу самона-

¹ «Современник», 1856, № 2.

блюдения и самоанализа. «Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей». Для душевной жизни Толстого еще до того, как он стал писателем, действительно был характерен глубочайший самоанализ, который не покидал его и в последующие годы.

В отличие от других писателей, Толстого более всего интересует «самый психический процесс, его формы, его законы, — диалектика души, чтобы выразиться определительным термином». «Другая сила» таланта писателя, придающая ему необычайную свежесть, — это «чистота нравственного чувства». Высокие нравственные идеи, морально-этический пафос присущи всем замечательным произведениям русской литературы и в наибольшей мере произведением Толстого. Чернышевский предвидит, что его талант в дальнейшем своем развитии обнаружит новые грани, но «эти две черты — глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства» — останутся в нем навсегда.

По своим эстетическим идеям статья Чернышевского была глубоко полемична. Защитники «чистого искусства», преследуя цель свращения Толстого, объявили его «чистым художником». Они же первые начали писать об особенностях его таланта, о художественном своеобразии его произведений. Чернышевский давал им бой на ими же избранном плацдарме, то есть он также говорил преимущественно о природе таланта Толстого, но говорил так, что все сказанное до него либералами оказывалось незначительным и второстепенным. Обличая всю несостоятельность претензий сторонников «чистого искусства», всю узость их эстетических норм, нарушающих условия подлинной художественности, он заключил свой полемический пассаж уничтожающим саркастическим замечанием: «И люди, предъявляющие столь узкие требования, говорят о свободе творчества!»

Критическое выступление Чернышевского стало вехой в изучении творчества Толстого. Критик глубоко верил в могучую силу его таланта, он видел в новом писателе «прекрасную надежду» русской литературы, а во всем, что создано им, — лишь «залог» того, что он совершит впоследствии. Каждое новое произведение Толстого открывало новые стороны в его даровании. Вместе с расширением круга жизни, попадавшего в сферу творческого внимания писателя, «постепенно развивается и самое воззрение его на жизнь».

«Утро помещика» подтверждало эту мысль критика. Толстой ставил в новом произведении политически острую для пятидесятых

годов проблему «мужика» и убедительно показывал неудачи героя повести, искавшего путей сближения с крестьянами. Основной причиной краха всех «гуманных» затей Нехлюдова, преследовавших задачу улучшения жизни крестьян, было существование крепостного права. Даже Тургенев справедливо писал об этом: «...пока будет существовать крепостное состояние, нет возможности сближения и понимания обеих сторон, несмотря на самую бескорыстную и честную готовность сближения». В повести «Утро помещика» писатель, осуждая крепостное право, раскрывал его губительное влияние на крестьянство.

Чернышевский высоко оценил это произведение Толстого, отмечая в нем верность действительности, глубокое знание жизни и тонкую наблюдательность художника, умеющего не только живописно воспроизводить быт крестьян, но и передавать «их взгляд на вещи».

Таким образом, хотя Чернышевский и был лишен возможности высказаться о крупнейших созданиях Толстого — «Войне и мире» и «Анне Карениной» и судил о писателе на основе его ранних произведений, тем не менее им вписаны драгоценные страницы в многолетнюю летопись критической литературы о Толстом.

Статьи Чернышевского, по всей вероятности, нравились Толстому, и, может быть, это явилось одной из причин возникновения кратковременной симпатии писателя к критику. Однако в идейном отношении они и после этого остались глубоко чуждыми друг другу.

Разрыв с демократическим направлением в литературе и увлечение — пусть и кратковременное — идеями «искусства для искусства» отрицательно сказались на творчестве Толстого. Произведения, написанные им в 1857—1859 годах, отличаются значительным обеднением тематики. Этим, главным образом, и объяснялся полный неуспех его «милых» повестей и рассказов. Реакционные идеи «чистого искусства» не могли оплодотворить творческую мысль Толстого, как, впрочем, и всякого истинного художника.

Такие произведения писателя, как «Юность», «Альберт», «Семейное счастье», остались почти не замеченными критикой. В течение трех лет (1858—1860) о Толстом не появлялось специальных критических статей. Только в малоизвестном журнале «Рассвет» была опубликована рецензия молодого Писарева о рассказе «Три смерти», написанная под несомненным влиянием статей Чернышевского.

Писатель тяжело переживал свои творческие неудачи. Он му-

чительно освобождался от груза обветшалых эстетических теорий и выработывал новые понятия о литературе и ее значении в жизни.

В начале шестидесятых годов Толстой, оставив литературу, обратился к педагогической деятельности. После «крестьянской» реформы он занял должность мирового посредника и одновременно в течение всего 1862 года издавал педагогический журнал «Ясная Поляна».

Вся эта деятельность способствовала сближению Толстого с народом. В идейном развитии писателя, в его движении к глубокому пониманию интересов русского патриархального крестьянства эти годы сыграли огромную роль. Они положили начало его духовной драме. Относясь глубоко отрицательно к революционным методам преобразования действительности, Толстой во всех своих построениях исходил из того, что считал патриархального мужика воплощением высшего нравственного идеала, наиболее цельным и органическим человеком, живущим в полном соответствии с законами природы. Интеллигенция, по мысли писателя, не может учить этого мужика, а должна сама учиться у него, она обязана постичь основы его «нравственной жизни» и затем стать на путь опрощения.

Эти взгляды писателя отразились в его педагогических статьях. По мысли Толстого, всю систему образования и воспитания следует строить на основе потребностей народа, не навязывать народу определенные знания в принудительном порядке, а следовать за его духовными запросами. Такова одна из основных педагогических идей Толстого. Писатель убежден, что образованные люди, интеллигенты не знают, чему учить и как учить народ. Эта мысль пронизывает многие его высказывания. Особенно на шумела статья Толстого «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Писатель признает за крестьянскими ребятами преимущество непосредственности восприятия жизни и произведений искусства. Несомненно, что педагогические взгляды Толстого в известной мере проникнуты демократическими идеями, многие его высказывания были резко направлены против цивилизации господ, но вместе с тем в них содержались и элементы реакционной идеологии.

Противоречивость педагогических идей писателя была ярко раскрыта Чернышевским в рецензии на журнал «Ясная Поляна». Стремление Толстого осуществить в своей школе полную свободу образования, отказаться от всякого принуждения вызывает сочувствие и одобрение критика. Однако он резко осуждает утверждения писателя о якобы постоянном противодействии народа образованию.

Чернышевский отмечает непоследовательность писателя. С одной стороны, Толстой настаивает на осуществлении полной свободы образования, с другой стороны, он тут же нарушает этот основной принцип своей педагогики, делая исключение для религиозного образования, которое, по его мнению, «неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насилие в этом случае законно». Критик осуждает попытки Толстого оправдать необходимость и «законность» распространения религии в народе, его объективное содействие закреплению среди крестьян различных суеверий, нашедшее свое выражение в книжках для простонародного чтения, выпущенных как приложения к журналу «Ясная Поляна». В содержании этих книжек, по мнению критика, «отразился недостаток определенных убеждений, недостаток сознания о том, что нужно народу, что полезно и что вредно для него».

Если Толстой исходил из мысли о необходимости сохранения, своеобразной консервации основ нравственной жизни мужика и звал интеллигенцию к сближению с этим мужиком, к опрощению, то Чернышевский, напротив, видел главную задачу интеллигенции в широком просвещении народа, в приобщении его к передовым идеям эпохи. Надо чести в народ подлинный свет науки и решительно бороться с суевериями в его среде, с темнотой и неграмотностью, надо поднимать его сознание до уровня сознания передовой демократической интеллигенции. В этом был выражен существенно иной подход к народу. Поэтому Чернышевский так решительно осудил и не мог не осудить реакционные черты педагогических взглядов Толстого.

Любопытно, что Писарев значительную часть своей статьи «Промехи незрелой мысли» посвящает изложению своих педагогических идей. Так же как и Толстой, решительно отвергая принуждение, он защищает полную свободу в образовании и воспитании ребенка, полагая, что ребенок лучше знает, что ему нужно. Эту аргументацию критик увенчивал ссылкой на педагогический опыт яснополянской школы.

Писарев излагает свою просветительскую концепцию нравственного совершенствования человека, основу которой составляла мысль о необходимости для каждого «реалиста» освоить и передумать «результаты общечеловеческой науки», имеющие непосредственное влияние на развитие житейских понятий и убеждений. Только таким путем можно, по его мнению, образовать из себя «превосходного» человека.

С этих позиций критик и рассматривает характеры Николень-

и Иртеньева и его друга Нехлюдова, осуждая их надуманные и неисполнимые «клятвы», их умственные «кривляния» и «мыслевываны». Писарев утверждает, что Нехлюдов трилогии, несмотря на все свое показное «человеколюбие», хотя и в этом он дальше «московского сердоболбия» не идет, лишен всяких живых связей с современностью, с идейным движением эпохи. В эпизоде избияния Нехлюдовым ни в чем неповинного слуги ярко раскрылась дворянская природа героев Толстого, Иртеньев никак не выразил своего протеста против избияния Васьки и не испытал к нему никакого сострадания, вся сила его наблюдательности была сосредоточена на Нехлюдове, и он жалел не жертву, а насильника, потому что Нехлюдову тоже тяжело, он тоже нравственно страдает от совершенного поступка, «Иртеньев начинает соболезновать не о том, кого набили, а о том, кто бил». Эти «дрябленькие человечки» со своими неразвитыми умами совершенно не подготовлены к тому, чтобы «рассуждать о высших вопросах жизни».

От «Юности» Писарев обращается к «Утру помещика», полагая, что Нехлюдов, фигурирующий в этих повестях, является одним и тем же социальным типом. Критик говорит о тщетности попыток Нехлюдова насадить «новую гуманность» в условиях крепостного быта. Прежде чем облегчать участь своих крестьян, он должен был бы «освободить самого себя от крепостной зависимости».

В заключительном разделе статьи критик анализирует рассказ «Люцерн». Он приходит к выводу, что образ Нехлюдова является воплощением «страшно болезненного характера», это натура «изломанная», и таким он стал вследствие праздности и отсутствия правильного воспитания. Только «в строгой школе положительной науки и полезного труда» могут сложиться здоровые и сильные человеческие характеры — таков основополагающий тезис этой статьи, отражающей просветительскую идею критика о возможности осуществления социальных преобразований на путях мирного распространения естественно-научных знаний при помощи общественно-полезного труда «реалистов».

В этой связи Писарев восхваляет «работника, владеющего капиталом», который в его представлении мог бы иметь все преимущества перед капиталистом, он отличался бы инициативой, хорошим знанием дела, мог бы тратить свой капитал на «научные опыты», «на проведение в жизнь своих гуманных тенденций». Подобное рассуждение было основано на глубоко ошибочной мысли о возможности появления культурных капиталистов и просвещенных

помещиков, которые могли бы двинуть вперед дело общественного преобразования России. В этих реформистских идеях и заключается слабая сторона статьи Писарева. Критик правильно отмечал бесплодность исканий «незрелой мысли» Иртеньева и Нехлюдова, но он выдвигал ошибочный социально-политический идеал, порожденный иллюзорной верой в возможность того, что «культурный» капитализм принесет с собой улучшение участи народа. Поэтому он и не смог увидеть глубокой противоречивости рассказа Толстого «Люцерн», в котором писатель обличает бесчеловечность буржуазного прогресса и одновременно обращается с апелляциями ко «всемирному духу», реакционный смысл которых впоследствии раскрыл Ленин.

* * *

Широкое общение с народом в шестидесятые годы подготовило возвращение писателя в литературу. Обогащенный новыми жизненными впечатлениями, он заканчивает повесть «Казачи» и приступает к разработке исторической темы из эпохи Отечественной войны 1812 года.

Как известно, к замыслу «Войны и мира» Толстой пришел не сразу. Первоначально была задумана повесть о декабристе, но в поисках причин декабристского движения он обратился к эпохе Отечественной войны.

На первых порах Толстой мыслил написать роман-хронику дворянской жизни начала века, в которой стремился воссоздать картины «мирной» жизни героев. Отечественная война во всем ее глубочайшем значении еще не занимала творческого внимания писателя.

В этом плане им были написаны первые части романа, получившего название «1805 год», и переданы 29 ноября 1864 года М. Н. Каткову для опубликования в «Русском вестнике». 23 января 1865 года в письме к Фету Толстой рассказал о том волнении, с каким ожидал выхода из печати своего нового произведения, одновременно отмечая, что для него особенно «дорого» будет мнение Фета и Тургенева об этом романе. «Напишите, что будут говорить в знакомых вам местах, и главное, как на массу. Верно, пройдет незамеченным. Я жду этого и желаю. Только бы не ругали, а то ругательства расстраивают»¹.

¹ Письма Л. Н. Толстого под редакцией П. Сергеевко, т. II, 1911, стр. 13—14.

Роман действительно прошел незамеченным, и отдельные рецензии на «1805 год» начали появляться лишь во второй половине 1866 года.

Тургенев же, на «понимание» которого Толстой рассчитывал, высказался о романе крайне неодобрительно. «Мелкота и какая-то капризная изысканность отдельных штрихов, — писал он П. В. Анненкову, — и потом эти вечные повторения той же внутренней возни: что, мол, я трус или не трус? и т. д. — странный исторический роман»¹. Ознакомившись позднее со второй частью «1805 года», Тургенев очень раздраженно писал Боткину 25 марта 1866 года о том, что в романе Толстого одна «патология сражения», в нем не схвачены «черты эпохи», нет «исторических красок»². Он отказывал героям Толстого во всяком историческом правдоподобии, обвиняя писателя в модернизации исторических событий. По его мнению, Толстой «под именем Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то рабаки списанных современных генеральчиков»³.

Видимо, эта резкость суждений была вызвана какими-то временными преходящими обстоятельствами, во всяком случае впоследствии Тургенев по достоинству оценил роман Толстого. Четырнадцать лет спустя он проникновенно писал о «Войне и мире»: «Здесь есть целые главы, в которых никогда не придется ничего изменить; здесь есть исторические лица (как Кутузов, Растворчин и другие), чьи черты установлены навеки; это непреходящее... Это — великое произведение великого писателя, — и это подлинная Россия»⁴. Тургенев при этом даже не указал на слабые стороны образа Кутузова.

В дальнейшем Толстой отошел от «1805 года», его творческий замысел непрерывно обогащался, семейно-исторический роман перерастал в эпическое произведение огромного масштаба. Это вызвало значительную задержку в окончании произведения. Первоначально Толстой намеревался окончить роман в 1867 году и издать его отдельно под названием «Все хорошо, что хорошо кончается». Но в 1867 году только определился новый широкий замысел произведения и появилось его окончательное название — «Война и мир». Работа над романом продолжалась еще почти два года. В декабре

¹ П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 528.

² См. А. Фет, Мои воспоминания, т. II, М., 1890, стр. 88.

³ Там же, стр. 95.

⁴ «Русские пропилеи», т. III, И. С. Тургенев, М., 1916, стр. 260—261.

1867 года вышли из печати первые три тома «Войны и мира», четвертый том был напечатан в марте 1868 года, но он не был последним. Как известно, роман в первых двух изданиях делился на шесть томов. Пятый том был напечатан в марте 1869 года и, наконец, шестой — в декабре 1869 года. Таким образом, на создание «Войны и мира» у Толстого, по личному признанию, ушло шесть лет «непрестанного и исключительного труда, при наилучших условиях жизни»¹.

«Война и мир» встретила и озлобленные нападки и искренние восторги. Тургенев писал Я. Полонскому: «Роман Толстого — вещь удивительная: но самое слабое в нем — именно то, чему восторгается публика: историческая сторона — и психология... Все бытовое, описательное, военное — это первый сорт; и подобного Толстому мастера у нас не имеется»².

Хотя восприятие «Войны и мира» отличалось от восприятия «1805 года», тем не менее для всех многочисленных тургеневских оценок романа Толстого характерно чувство восхищения удивительным и несравненным дарованием этого писателя и решительное осуждение его философии. Тургенев признавался, что есть в «романе вещи», которые возбудили в нем «озноб и жар восторга» и «которые, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать»³. В письме к Анненкову от 25 (13) апреля 1868 года он очень выразительно писал о том, что «философствование» изнуряет талант Толстого и только «там, где он касается земли, он как Антей, снова получает все свои силы...»⁴

Роман Толстого вызвал широкую критическую литературу. Статьи и рецензии начали появляться уже в 1868 году, в год выхода из печати первых трех томов романа. Роман живо обсуждался в литературных кругах, причем затрагивались вопросы исторического и эстетического порядка, всех интересовало не только соответствие изображенного подлинной исторической правде, но и необычная форма произведения, его глубокое художественное своеобразие. «Что такое «Война и мир»?» — этот вопрос ставили перед собой многие критики и рецензенты, но никто из них не понял глу-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. худож. произв., М.—Л., 1929, т. VII, стр. 301.

² Первое собр. писем И. С. Тургенева, СПб., 1884, стр. 136, 6/III 1868 г.

³ «Русское обозрение», 1894, февраль, стр. 490, Письмо к Анненкову П. В. от 26(14) февраля 1868 г.

⁴ Там же, стр. 495.

бого новаторской сущности произведения Толстого. Еще в 1866 году безымянный рецензент библиографического журнала «Книжный вестник» в своих попытках определить жанр нового произведения, тогда еще носившего название «1805 год», в недоумении разводил руками: «Это не роман, не повесть, а скорее какая-то попытка военно-аристократической хроники прошедшего, местами занимательная, местами сухая и скучная»¹.

Критик «Всемирного труда» Н. Ахшарумов в свою очередь, будучи не в состоянии определить художественное своеобразие «Войны и мира», ограничивался отрицательным суждением: «Это не хроника и не исторический роман»².

Эти и им подобные критические высказывания имел в виду писатель, когда в своей статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» писал: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось». А в одном из черновых набросков предисловия к «Войне и миру» Толстой указывал, что «европейская форма» романа не пригодна для выражения национального содержания, «русская художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой». Одним из блестящих воплощений подлинно самобытной русской художественной мысли и явилось величайшее творение Толстого.

Глубокое новаторство великого художника осталось не оцененным и П. Анненковым, хотя его статья «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» являлась в некоторых отношениях лучшей из всех критических статей шестидесятых годов, посвященных анализу художественных особенностей романа Толстого. Тургенев, ознакомившись со статьей, писал ее автору: «Скажу вам без комплиментов, что вы ничто умнее и делнее не писали; вся статья свидетельствует о верном и тонком критическом чувстве автора...»³ Критик, по мнению Тургенева, «отлично заметил» слабое развитие характеров в романе. Статья Анненкова была благоприятно встречена и Толстым. В 1883 году он говорил Г. Русанову: «Прежде ведь меня ужасно бранили, совсем порицали меня как мыслителя. Вы помните, что было после «Войны

¹ «Книжный вестник», 1866, № 16 — 17.

² «Всемирный труд», 1867, № 6.

³ «Русское обозрение», 1894, февраль, стр. 490. Письмо к Анненкову П. В. от 26(14) февраля 1868 г.

и мира»? Тогда еще меня занимало это и... помните ли вы статью Анненкова? Статья эта во многом была неблагоприятна для меня, и что ж? После всего, что было писано обо мне другими, я с умилением читал ее тогда... Вот до какой степени тогда бранили меня¹.

Как о самой примечательной стороне нового произведения Толстого Анненков говорит о той естественности и простоте, с которой автор «Войны и мира» находит наиболее убедительные композиционные решения для органического сочетания исторического повествования и рассказа о частной жизни своих героев. Исторические картины романа, по мнению критика, свидетельствуют о том, что творческая мысль Толстого долго «обращалась» среди записок, преданий, мемуаров, находя в них нужные черты и детали для воссоздания исторической эпохи. Роман тем-то и интересен, что он представляет собой «редкое соединение олицетворенных и драматизованных документов с поэзией и фантазией свободного вымысла». В числе несомненных достоинств романа Анненков отмечает необычайную широту охвата явлений жизни и необыкновенное мастерство в изображении сцен «военного быта».

Однако критик видит в «Войне и мире» «недостаток романического развития». Пока Толстой был занят разнообразными описаниями военных и «мирных» сцен, «большое колесо романической машины еле-еле меняло свое положение», «настоящие интересы» романа, заключающиеся в развитии «частного происшествия», «фабулы», «интриги», были забыты. Именно это обстоятельство, по мнению критика, и обусловило известную статичность характеров романа, которые не развиваются вплоть до половины третьего тома. Далее Анненков наставительно говорил о том, что «во всяком романе великие исторические факты должны стоять на втором плане...» Таким образом критик тянул Толстого назад, к традиционному европейскому историческому роману с единой интригой и прочими поэтическими аксессуарами, он не понял и не мог понять, оставаясь во власти «эстетической рутины», всей силы новаторства Толстого. Он «исследовал» «Войну и мир» с позиций традиционных канонических поэтического искусства. В романах Вальтер Скотта, «исторические факты» всегда были на втором плане, образуя только фон для развертывания «романтической интриги». Толстой смело отбрасывал эту традицию и во многих частях «Войны и мира»,

¹ «Толстовский ежегодник», 1912, стр. 37.

особенно посвященных Отечественной войне 1812 года, первостепенное внимание уделял изображению исторических событий, потому что они определяли судьбы героев его произведения.

Тем не менее если в некоторых замечаниях Анненкова «эстетического» характера и содержалась доля истины, то в своих дальнейших «исторических» рассуждениях он толкал Толстого на путь прямого искажения исторической правды. Критик утверждал, что правительство Александра I якобы сочувственно относилось к «принципам» французской буржуазной революции, что оно намеревалось осуществить в России многие из либерально-буржуазных реформ. Анненков вместе с тем брал под защиту от обличений Толстого высшее «общество», находя, что его подражание французам носило поверхностный характер. В действительности же многие представители высшего дворянства совершенно утратили свой национальный облик, и Толстой справедливо писал о низкопоклонстве светских кругов перед иностранщиной.

Как истый либерал, критик увидел в Сперанском и Аракчееве «великих разночинцев», представителей «демократии». Анненков полностью поддерживал монархическую легенду о «свободолюбии» Александра I, созданную приближенными царя, и все его «поправки» к роману Толстого были проникнуты либеральной идеализацией эпохи. Великий художник не верил в либерализм Александра I, он беспощадно обличал как «патриотизм» высшего дворянства, так и «демократизм» сперанских и аракечевых.

Вопросы жанра и художественного своеобразия «Войны и мира» продолжали занимать критиков и впоследствии, но попытки всех цесарьских и пятаковских решить эти вопросы оказались тщетными. Только несколько лет спустя к истинному пониманию художественных особенностей «Войны и мира» подошел И. С. Тургенев. В предисловии к французскому переводу «Двух гусаров» Толстого он писал, что «Война и мир» произведение оригинальное и многогранное, заключающее «в себе вместе эпопею, исторический роман и очерк нравов»¹. А еще позднее, рекомендуя «Войну и мир» французскому читателю, Тургенев указывал на глубокое своеобразие и новизну художественного метода русского писателя: «Это — не метод Вальтер Скотта, и, само собою разумеется, также не метод Александра Дюма». «Дух эпоса веет в этом обширном произведении...»² Здесь отмечено самое существенное, что отличает «Войну и

¹ «Русские пропилеи», т. III, И. С. Тургенев, М., 1916, стр. 229.

² Там же, стр. 259—261.

мир» от традиционных исторических романов типа романов Вальтер Скотта,— произведение Толстого не роман, а эпопея.

По мере выхода очередных томов «Войны и мира» интерес к этому выдающемуся произведению Толстого возрастал. Роман вызвал живую реакцию не только у литераторов, близких к Толстому, таких, как В. Боткин и А. Фет, но он сильно взволновал и Гончарова, который сообщал Тургеневу о выходе «Войны и мира» как о «главном известии»: «Он, т. е. граф, сделался настоящим львом литературы»¹. Тургенев в свою очередь в письме к Фету спешил передать свои глубокие впечатления от романа Толстого: «Я только что кончил 4-й том «Войны и мира». Есть вещи невыносимые и есть вещи удивительные; и удивительные эти вещи, которые в сущности преобладают, так великолепно хороши, что ничего лучшего у нас никогда не было написано никем; да вряд ли было написано что-нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й том слабее 2-го и особенно 3-го; 3-й том почти весь «chef d'œuvre»². Герцен, ознакомившись с первыми томами «Войны и мира», укоризненно пенял Огареву, что он «просмотрел хорошую сторону Толстого романа»³. Салтыков-Щедрин, отрицательно относясь к философии романа, в то же время говорил: «А вот наше так называемое «высшее общество» граф лихо прохватил»⁴. Таким образом, писатели разных политических направлений живо и остро откликнулись на роман Толстого.

В романе Толстого наряду с другими вопросами решался вопрос о судьбах дворянской культуры, причем писатель иногда становился на путь идеализации дворянской жизни, что нашло свое выражение особенно в образах Ростовых,— эти идейные линии «Войны и мира», хотя и направленные против буржуазной «современности» шестидесятых годов, разумеется, не могли вызвать сочувствия у представителей революционно-демократической критики. Д. Писарев выразил свое отношение к этим мотивам романа в самом заглавии статьи — «Старое барство». Критик отметил, что Толстой относится к изображаемой эпохе и к своим героям с «невольной и естественной нежностью», что он находит в этих лицах черты, «достоинные любви и уважения». Статья Писарева, к сожалению, осталась неоконченной, в ней отсутствует анализ образов князя Андрея, Пьера Безухова, Наташи. В опубликованной ее части критик на материале первых трех томов характеризует Бориса Друбецкого

¹ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев, П. 1923, стр. 62. 10/II 1868 г.

² А. Фет, Мои воспоминания, ч. II, М., 1890, стр. 174.

³ А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XXI, стр. 33.

⁴ Т. А. Кузьминская, Моя жизнь дома и в Ясной Поляне.

и Николая Ростова. Попутно он метко оценивает образы Курагиных, Анатоля и Элен.

Борис Друбецкой — «великосветский Молчалин». Желание делать карьеру во что бы то ни стало составляет сущность его характера. Этот образ является самым ярким в русской литературе воплощением карьеризма. Друбецкой до конца остается верен своей «невисанной субординации». Всю жизнь он преследует своекорыстные узко эгоистические цели, одерживая над искренними человеческими чувствами и стремлениями одну победу за другой, все больше и больше с каждым новым продвижением по службе иссушая свою душу. Вопреки естественному человеческому чувству, Друбецкой оформляет «коммерческий» брак с Жюли Карагиной, ставя выше всего интересы холодного расчета.

Николай Ростов во многом является полной противоположностью Борису. Как тот был черств, сух и холодно расчетлив, так этот отличается эмоциональной отзывчивостью, смелостью, пылкостью характера. Однако наряду с привлекательными чертами в духовном облике Ростова содержалось и начало глубоко отрицательное. По мнению критика, полупьянный выкрик Ростова в Тильзите «наше дело не думать» не является случайным для него, а выражает самую сущность психического склада героя, духовное развитие которого остановилось в двадцать лет. Книга в жизни Николая, да, собственно, и в жизни других членов семьи Ростовых, не играет существенной роли. Герои не волнуют общественные вопросы, ему чужды серьезные духовные интересы. Охота — обычное развлечение помещиков — вполне удовлетворяла непритязательные потребности порывистой, но духовно бедной натуры Николая Ростова.

Писарев заканчивал свою статью выводами, в которых решительно осуждал весь образ жизни как Друбецкого, так и Ростова, все их самые задумчивые стремления. Не приспособленные ни к труду, ни к серьезной мысли, эти персонажи ярко свидетельствовали о глубокой порочности всего дворянско-крепостнического общества.

В последующие годы газеты и журналы различных направлений продолжали помещать статьи и рецензии о романе Толстого, причем в этой сравнительно большой критической литературе о «Войне и мире» отчетливо намечается вполне определенная общественно-политическая дифференциация.

С резкой оценкой «Войны и мира» выступили представители реакционных кругов дворянства, официальные «патриоты», обвиняя писателя в искажении исторической эпохи 1812 года. Толстой, по мнению этих критиков, надругался над патриотическими чувствами

их отцов, осмелял высшие круги дворянства. Так, бывший министр народного просвещения, участник Бородинского сражения, А. С. Норов в своей статье «Война и мир» с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника утверждал, что «громкий славою 1812 год» в романе Толстого «представлен... мыльным пузырем». Он писал, что «не мог без оскорбленного патриотического чувства дочитать этот роман, имеющий претензию быть историческим»¹.

Сановный критик прежде всего вступился за «честь» великосветских салонов. Напрягая свою старческую память, он перечислял десятки фамилий московской и петербургской знати, пытаясь доказать, что их салоны не были похожи на салон А. П. Шерер, сатирически изображенный Толстым, что круги высшего дворянства были якобы охвачены сильными патриотическими чувствами. Поэтому «непозволительными» являются обвинения великого князя Константина Павловича и канцлера Румянцева в пораженчестве. А описание заседания московского дворянства и купечества в Слободском дворце Норов считает «оскорбительным», потому что эти сословия изображены как «Панургово стадо». По его мнению, среди «тогдашних гвардейских офицеров» невозможны были и «шутки с квартальным». Критик утверждал, что Толстой «осмелял» подвиг Раевского, «не отразил героизма русских генералов», а его описание богучаровского бунта стоит на грани вымысла. Норов защищал официально придворное истолкование войны 1812 года, в ходе которой якобы главную роль играло «благородное дворянство» во главе с царем. Со своим казенным патриотизмом он не мог простить автору «Войны и мира» того, что на страницах его романа разоблачался лжепатриотизм дворянских кругов и показывалась решающая роль народных масс в войне 1812 года.

Не менее резко выступил против «Войны и мира» и П. А. Вяземский в статье «Воспоминания о 1812 годе»². В юности он числился в либералах, но уже в сороковые годы полностью примкнул к реакционному лагерю. Критик объявил Толстого «нетовцем», «прекращателем истории», а в его «Войне и мире» увидел «протест против 12 года». Вяземский, как и Норов, был уязвлен теми главами романа, в которых обличалась пустая жизнь дворянских салонов и глубокое равнодушие представителей высшего «света» к судьбам страны и народа. Писатель, по его мнению, увидел в исторической эпохе 1812 года одних фамусовых, добчинских и боб-

¹ «Военный сборник», 1868, № 11.

² «Русский архив», 1869, № 1.

чинских и подобно Грибоедову сатирически изобразил жизнь дворянства. Критик брал под свою особую защиту Александра I и Растончина, которые в его представлении являлись носителями подлинного патриотизма.

Вяземский пытался поучать Толстого, как надо изображать эпоху 1812 года. Одновременно со статьей в том же номере «Русского архива» он поместил стихотворение «Поминки по Бородинской битве», преследовавшее цель нарисовать «картины более величавые, характеры более возвышенные», чем те, которые создал Толстой. Но «Поминки» являлись старомодными казенными виршами, в которых в архаическом стиле воспевались «подвиги» генералов, «бодро» скакавших на лошадях впереди своих полков. Все они отличались картинностью поз и показным героизмом. В этой связи нетрудно понять, почему Вяземскому пришлось не по вкусу подлинно новаторское искусство Толстого. Один из рецензентов очень ядовито писал: «Нельзя не заметить, читая наставления князя Вяземского автору «Войны и мира», что вообще притязания патриотов минувших дней довольно странны. Например, князь охотно позволяет себе описывать в слабых стихах Бородинское сражение и, между тем, графу Толстому запрещает изображать его в хорошей прозе»¹.

Примечательны некоторые отклики на статью Вяземского. Так, сын Растончина в письме к издателю «Русского архива» поспешил выразить благодарность критику за то, что он «заступился за память осмеянных и оскорбленных отцов наших»² и восстановил «истину» об его отце, характер которого будто бы искажен в «Войне и мире». А известный цензор А. В. Никитенко, одобряя статью Норова и Вяземского, записал в дневнике: «Итак, Толстой встретил нападение с двух сторон: с одной стороны — князь Вяземский, с другой — Норов... И впрямь какой бы великий художник вы ни были, каким бы великим философом вы себя ни мнили, а все же нельзя безнаказанно презирать свое отечество и лучшие страницы его славы».

Таким образом, представители дворянско-аристократической реакции осудили роман Толстого с позиций своего казенного патриотизма. Все они вступились за «честь» благородного дворянства, подтвердив тем самым глубокую правоту Толстого. Великий художник вслед за Пушкиным разоблачил лжепатриотизм высших кругов

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1869, № 18, ст. Z (В. Бу- реница).

² «Русский архив», 1869, № 1.

дворянства, противопоставив ему подлинный патриотизм и героизм народных масс. Этого не могла принять критика реакционного лагеря, презрительно относившаяся к народу.

Иные стороны «Войны и мира» подверглись обстрелу со стороны «радикальной» и народнической критики, которая ополчилась на Толстого за то, что он не изобразил в романе революционной интеллигенции и уклонился от обличения крепостничества. На этом основании журнал «Дело», орган разночинцев-радикалов, тяготевший к революционному народничеству, отнес «Войну и мир» к «бессодержательным» произведениям. А через некоторое время на страницах этого журнала В. В. Берви-Флеровский, выступивший под псевдонимом С. Навалихин, с каким-то неистовством буквально «изничтожил» «Войну и мир». И его статья, язвительно названная «Изящный романист и его изящные критики», может расцениваться нами как курьез.

«Война и мир» воспринималась критиком, как сплошная идеализация дворянской жизни и дворянской культуры начала века. Все произведение показалось ему рядом «возмутительных грязных сцен», а его герои «дикими бушменами». С. Навалихин обрушивался на писателя за то, что он в своем романе восхищается людьми, якобы не заслуживающими этого. Даже картины народной войны не привлекли внимания критика. При узости и односторонности своих взглядов мелкобуржуазного демократа Флеровский не мог постичь «Войну и мир» во всей сложности ее идейной проблематики, он просто не понял величайшего произведения.

После выхода шестого тома «Войны и мира», завершившего произведение, «Дело» опубликовало о романе статью другого своего сотрудника Н. В. Шелгунова под выразительным заглавием «Философия застоя»¹.

Критик заявлял, что автор «Войны и мира» лишен большого таланта, он признал в нем лишь «живописца военных пейзажей и солдатских сцен», а в романе не нашел «глубоко жизненного содержания». Справедливо критикуя «философию» «Войны и мира», развившуюся в проповеди каратаевщины, непротивления и фатализма, Шелгунов, однако, не обнаружил внутренней идейной противоречивости романа, не увидел того, что Толстой-художник сам же вносил серьезные поправки в свои реакционные построения, хотя и не преодолел их до конца. Он сосредоточил свое внимание лишь на слабых сторонах «Войны и мира», и это привело его к оши-

¹ См. «Дело», 1870, №№ 1, 2.

бочным выводам. Критик, в частности, писал, что Толстой своим романом «убивает всякую мысль, всякую энергию, всякий порыв к активности». Но «Война и мир» в целом воспринимается читателем не как апология пассивности и «застоя», а как произведение, прославляющее величайшую историческую активность народа, неиссякаемую жизнедеятельность человека, оно возбуждает огромную любовь к жизни, бодрость и веру в свои силы.

Не поняв глубокой противоречивости романа, Шелгунов естественно не мог дать и правильной оценки отдельных образов «Войны и мира». Он преувеличил значение Каратаева и каратаевщины в образной системе романа, а в Пьере увидел лишь воплощение «дикости» и «необузданности». Заявив, что он не может не сочувствовать «демократической струйке» в романе, Шелгунов, однако, и здесь не воспринял подлинной народности «Войны и мира». Не колеблясь, он назвал «Войну и мир» «славянофильским романом».

Таким образом, «Война и мир» не нашла достойной оценки в народнической критике, которая здесь лишний раз обнаружила свою теоретическую слабость. Народники не могли явиться достойными продолжателями революционно-демократической критики, поэтому их статьи лишены серьезного историко-литературного значения. Субъективистский метод этих критиков неизбежно вел к исторически неправильной, искаженной оценке великого произведения Толстого.

Статья Шелгунова — и в этом ее известное положительное значение — воспринималась современниками как своеобразный полемический ответ Н. Страхову, напечатавшему в органе неославянофилов, «Заря», в начале 1869 года две обширные статьи о «Войне и мире»¹.

В шестидесятые годы Н. Страхов на страницах реакционных журналов братьев Достоевских вел яростную полемику с передовыми органами эпохи — «Современником» и «Русским словом». Он боролся со всем передовым в науке и общественной жизни, начиная с критических статей «Современника» и кончая дарвинизмом. Страхов выступал как фанатичный враг революционной демократии и представитель националистической реакции. В своих критических работах он был последователем Ап. Григорьева, к которому относился с величайшим пиететом.

¹ «Заря», 1869, №№ 1, 2.

Ап. Григорьев в 1862 году на страницах «Времени» выступил со статьей о Толстом, которую назвал «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой»¹. Пообещав восполнить значительный пробел в критической литературе о новом писателе и «определить смысл явления столь замечательного, как Толстой», критик, разумеется, ничего не восполнил и не определил. Его статья, как, впрочем, и другие критические работы Григорьева, так и осталась, по меткой оценке Писарева, «размашистым вступлением» во что-то такое, о чем сам критик не имел «никакого понятия»². Статья проникнута реакционными идеями «почвенничества» и в значительной своей части посвящена Пушкину, творчество которого Григорьев рассматривал в свете своей ложной антиисторической теории «хищных» и «смирных» типов, с помощью которой он и пытался осмыслить развитие русской литературы. Объявив Толстого самым правверным «почвенником», критик утверждал, что для него более всего характерна любовь к «смирному типу».

Опираясь на эстетические откровения этого, по его словам, «единственного критика», Страхов в своих статьях яростно защищал реакционно-националистическую теорию «почвы». В «Воине и мире» он увидел апофеоз «смирного русского типа». Естественно поэтому «солдат Каратаев» был оценен им как одно из важнейших художественных открытий Толстого; этот образ смиренного и кроткого мужичка, в представлении критика, «едва ли не заслоняет всю ту литературу, которая была у нас посвящена изображению быта и внутренней жизни простого народа». Наряду с этим Страхов всемерно восхвалял «смирное» начало и в других героях «Войны и мира». «Дух смирения и доброты», клеветнически утверждал он, является наиболее выразительной чертой русского национального характера вообще. Эти «качества» русского народа якобы способствовали и его победе над Наполеоном.

Критик, таким образом, преклонялся перед наиболее отсталыми и реакционными чертами в духовном облике русского патриархального крестьянства и стремился их приписать всему русскому народу. Его статьи о «Воине и мире», несмотря на ряд верных наблюдений над художественными особенностями романа, в целом давали реакционно-националистическое освещение великого произведения Толстого.

¹ «Время», 1862, №№ 1, 9.

² См. в наст. сборн. ст. Д. И. Писарева «Промахи незрелой мысли».

Среди критической литературы о «Воине и мире» выделяются по глубине мысли статьи известного военного деятеля и писателя генерала М. И. Драгомирова, объединенные общим названием: «Война и мир» с военной точки зрения».

Драгомиров в своей практической и теоретической деятельности следовал заветам великого Суворова. Он отдал немало сил популяризации его гениальных идей, насаждая суворовские принципы воспитания и обучения войск. Он несомненно воплощал наиболее прогрессивные традиции русской военной мысли. Это и позволило ему глубоко оценить «военную часть» романа Толстого.

«Война и мир», по его мнению, должна стать настольной книгой каждого военного, так как батальные сцены романа «высокопоучительны» и «могут составить одно из самых полезнейших прибавлений к любому курсу теории военного искусства». Люди, посвятившие себя военному делу, могут извлечь из романа Толстого «неоценимые практические указания». Эта оценка крупнейшего военного специалиста в высшей степени примечательна и свидетельствует о том, как Толстой глубоко проник в психологию воюющих масс, запечатлев на страницах романа с удивительной правдивостью поведение человека на войне.

Драгомиров отвергал ошибочные мысли писателя о «стихийности» войны, об отсутствии направляющей воли командира в ходе сражения, резко критиковал «теоретические» выводы писателя и вместе с тем отмечал, что Багратион в «Воине и мире» «изображен идеально хорошо», «мы не знаем ничего выше страниц, живописующих Багратиона в первые минуты дела под Голлабрюном». Критик признавал высокое художественное и воспитательное значение таких образов романа, как Тушин и Тимохин, которые вместе с солдатами и являлись подлинными героями, решавшими судьбы войны.

Военно-исторические соображения писателя об ином расположении русских войск во время Бородинского сражения, чем то, которое вошло во все официальные описания этой битвы, также получили полное признание критика, считавшего, что с открытием Толстого «многое, неразъясненное до сих пор в нашем расположении, совершенно осмысливается»¹.

Драгомиров придавал огромное значение моральному фактору на войне. Он писал: «Успех на войне и в бою зависит главнейше

¹ Драгомиров М., Разбор романа «Война и мир», Киев, 1895, стр. 71.

от хорошего нравственного состояния войск»¹. Это сближало его с Толстым, который решающую роль в исходе войны также отводил «духу» войск, моральному состоянию армии, что особенно ярко раскрылось в великолепных картинах Бородинского сражения. Может быть, это обстоятельство и помогло Драгомирову написать так о романе Толстого, что его статьи и спустя много десятилетий не утратили своего интереса.

Краткий обзор важнейшей критической литературы о «Войне и мире» дает нам право сделать вывод, что в ряде статей содержались верные суждения о романе Толстого, о его сильных и слабых сторонах, но в целом это величайшее произведение русской и мировой литературы не получило правильного и глубокого истолкования. В этом сказалась определенная слабость литературной критики, которая после прекращения деятельности Чернышевского, Добролюбова, Писарева переживала процесс идейного оскудения, продолжавшийся в течение ряда десятилетий. Поэтому вполне естественно, что с критической оценкой второго романа Толстого «Анна Каренина» дело обстояло еще хуже, чем с «Войной и миром».

* * *

Роман «Анна Каренина» (1873—1877) очень сложен по своей идейной проблематике. Здесь Толстой стремится осмыслить пореформенную общественную жизнь России во всей ее противоречивости. Он не может примириться с мыслью, что Россия вступила на путь буржуазного развития. Наиболее ярко тревогу писателя за будущее страны выражает герой романа Левин. Его глубоко волнуют разговоры об урожае, о найме рабочих и другие хозяйственные и экономические вопросы, поставленные перед помещиками новой социальной действительностью. Все эти вопросы не имели значения при крепостном праве, но теперь, после освобождения крестьян, когда все «переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России», думал Левин».

В статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» Ленин, характеризуя период 1861—1905 годов, цитирует это место романа и замечает, что Толстой устами Левина «чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека»².

¹ Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856—1881, т. II, стр. 222.

² В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 29.

В ряде образов своего романа Толстой глубоко и метко схватил своеобразие исторической эпохи, остро ощутил становление новых общественных отношений, но он многого не понял в новой «укладывающейся» социальной действительности. «Подобно народникам, — пишет Ленин, — он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй»¹.

Писатель со всей страстностью обрушивается на буржуазные экономические и социальные порядки, обличает растленную мораль частных собственников, ложь и ханжество «верхов» общества.

Он ставит в «Анне Карениной» важнейшие общественно-политические и идеологические проблемы эпохи, которые и цементируют всю образную систему романа. Однако это глубочайшее идейное содержание произведения Толстого осталось непонятым критикой семидесятых годов.

«Анна Каренина» вызвала острую литературно-политическую борьбу. Реакционная критика стремилась использовать роман Толстого в своих политических целях. Так, В. Г. Авсеенко — беллетрист, идеализировавший жизнь великосветских кругов, увидел в «Анне Карениной» «опору» для оправдания своей творческой деятельности. Отметив, что жизнь, изображенная в романе, «органически» враждебна «умственному и нравственному мещанству»², что она противостоит современности, критик пытался использовать произведение Толстого для борьбы с демократией. Игнорируя обличительный пафос романа, он утверждал, что Толстой в «Анне Карениной» якобы идеализировал аристократическое общество, что очарование этого произведения основано на поэтизации «преданий наследственной культуры». Авсеенко упрекал современную ему народническую критику в том, что она не почувствовала всего «обаяния» дворянской жизни, изображенной в романе. Он выступал против «демократизированных вкусов» современного читателя, которому приписывал «табунные свойства». С особым умилением критик любовался описанием жизни в доме Щербацких, который на всех будто бы производил «освежающее, обаятельное впечатление»³. Только в этом доме, живущем преданиями старой дворянской культуры, могла появиться Китти — это воплощение «обаятельной женственной чистоты».

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 30.

² «Русский мир», 1875, № 69, А. О. (В. Г. Авсеенко), «Очерки текущей литературы».

³ «Русский вестник», 1875, № 5, ст. А. (В. Г. Авсеенко), «По поводу нового романа гр. Толстого».

ты», совершенно не похожая «на барышень новейшей формации».

Критик злобно нападал на всех защитников раскрепощения женщины. Он утверждал, что покорность, черта, привитая женщине ее бесправным положением в обществе и семье, является искони присущей ей особенностью. По его мнению, женской натуре вообще «противны» «протестующие элементы», поэтому в требованиях эмансипаторов он видит лишь одно «извращение женской природы». Эти реакционные идейки понадобились ему для того, чтобы ослабить те «протестующие элементы», которые содержатся в образе Анны. Критик обеднил этот образ. Он увидел в ней лишь одну из представительниц тех женщин, которые «по преимуществу живут жизнью сердца». Но чтобы «жизнь сердца» таких женщин протекала нормально, чтобы они были счастливы, нужны коренные общественные преобразования. Поэтому образ Анны и ее трагическая гибель являлись грозным обвинением всему буржуазно-дворянскому обществу. Критик же намеренно не заметил социального характера трагедии Анны. Стремясь противопоставить «Анну Каренину» русской социальной действительности семидесятих годов, он обошел те общественные проблемы, которые поставлены писателем в этом произведении, и в сущности свел все значение романа к истории интимной жизни его героини.

Либеральная критика в лице Евг. Маркова и Суворина, ставшего впоследствии откровенно реакционным журналистом, в свою очередь изображала Толстого «певцом жизни для жизни, лишенной высшего идеала»¹, она отказывала роману во всяком общественном значении, видя его основной смысл в описании любви Анны².

Народническая критика тоже осудила роман Толстого. Критик «Одесского вестника» увидел в «Анне Карениной» поэтизацию дворянского быта и восхваление любви «в самом голом смысле этого слова». Он отрицал в произведении Толстого всякое общественное содержание, находя, что «безидейность этого романа достигает кульминационного пункта»³.

Другие представители народнической критики также пытались умалить общественное значение романа. Правый народник А. М. Скабичевский со свойственной ему крайней примитивностью мысли писал о тех чувствах «омерзения», которые роман Толстого якобы вызвал у читателя, утверждая, что писатель изобразил в «Анне Карениной» те явления жизни, которые «по большей части

¹ «Голос», 1877, № 3, «Критические беседы» Евг. Маркова.

² «Новое время», 1877, № 432, ст. А. С.

³ «Одесский вестник», 1875, № 88, ст. ZZZ.

принадлежат чувственным элементам человеческой природы»¹. Наряду с этим он явился в роли «пошлого карателя нигилистов» и высказал также свои «славянофильские пристрастия». Один из теоретиков народничества, П. Н. Ткачев, выступивший на страницах «Дела» против «благотупостей» Скабичевского, в свою очередь увидел в «Анне Карениной» образец «салонного художества», «новейшую эпопею барских амуров». По его мнению, роман отличался «скандальной пустотой содержания»².

Роман Толстого не встретил понимания и у представителей демократической литературы. М. Антонович расценил «Анну Каренину» как образец «бестенденциозности и квиетизма»³. А Некрасов, не восприняв обличительного пафоса романа, направленного против высшего света, высмеял «Анну Каренину» в эпиграмме:

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует гулять
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать⁴.

Причину такого холодного приема романа демократами раскрыл Салтыков-Щедрин, который в письме к Анненкову указал на то, что «консервативная партия... торжествует» и делает из романа Толстого «политическое знамя»⁵. Но и Щедрин был раздражен тем, что Толстой, как ему показалось, строил весь свой роман на чувственных «побуждениях». Этим и объяснялось отрицательное отношение сатирика к роману Толстого. Однако задуманная им повесть-пародия на «Анну Каренину» «Влюбленный бык» осталась неоконченной. Заслуживает внимания предположение В. Евгеньева-Максимова, который объясняет это переменной взгляда Щедрина на роман: «Когда он прочел роман целиком, то почувствовал, что трактовать «Анну Каренину» как любовно-благонамеренную повесть, не более, было бы несправедливо, а потому и отказался от окончания «Влюбленного быка»⁶.

¹ «Биржевые ведомости», 1875, № 77.

² «Дело», 1875, № 5.

³ «Слово», 1878, № 1, ст. «Современное состояние литературы».

⁴ Н. А. Некрасов, Избр. стих., Гослитиздат, 1946, стр. 325.

⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма, 1845—1889, Л., 1925, стр. 76, 9/III 1875 г.

⁶ И. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов, Из прошлого русской журналистики, Л., 1930, стр. 47.

Но опасения Щедрина подтвердились полностью. Реакция действительно пыталась использовать роман Толстого как свое «политическое знамя». Примером реакционно-националистического истолкования «Анны Карениной» явились статьи Ф. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 год¹. Достоевский рассматривал роман Толстого в духе реакционной «почвеннической» идеологии. Он вытаскивал на свет свои изуверские «теориейки» о вечной прирожденности греха, о «таинственной и роковой неизбежности зла», от которых якобы невозможно избавиться человека. Достоевский вещал: «Никакой муравейник, никакое торжество «четвертого сословия», никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следовательно, и от виновности и преступности». Какое дикое озлобление против человека, какая фанатическая ненависть к социализму ощущаются в этих статьях. Ни при каком устройстве общества нельзя избежать зла, ненормальность и грех якобы присущи самой природе человека, которую никто не способен переделывать. Где же выход? Он будто бы указан Толстым, а на деле придуман Достоевским. Надо прибегнуть «к милосердию и любви». Преступники и враги должны преобразиться в высшие существа, стать братьями и «взаимным всепрощением» очистить свою душу от лжи и преступности.

Такова мрачная безысходность «философии» Достоевского, основанная на его глубоко реакционном «учении» о природе человека, который якобы не подвержен воздействию социальной среды, потому что в его душе изначально заложено неистребимое зло. Объективный смысл таких рассуждений сводился к отрицанию революционных преобразований общества, которые были лишены всякого смысла, так как человеческая природа оставалась неизменной. Невозможно себе представить, чтобы светлый и жизнеутверждающий гений Толстого имел что-нибудь общее с клеветническими наветами на человека со стороны Достоевского, статьи которого об «Анне Карениной» представляют собой грубое извращение идейной сущности великого произведения.

В этом же направлении шел и М. Громека, в этюде которого об «Анне Карениной»² имеется ряд верных соображений о художественном своеобразии романа, но основной порок его в том, что

¹ Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, изд. 7-е, СПб., 1906, стр. 224—243, 253—259.

² М. Громека, Последние произведения гр. Л. Н. Толстого. Критический этюд, 1884.

образы «Анны Карениной» охарактеризованы критиком чисто психологически. В этюде совершенно отсутствуют указания на социальную и историческую обусловленность идейной проблематики романа. Громека — махровый идеалист. Он в сущности повторял злобные выпады Достоевского против человека, писал о «глубине зла в человеческой природе», о том, что «тысячелетия не искоренили в человеке «зверья». Критик не раскрывал социальных причин трагедии Анны, а говорил лишь о ее биологических стимулах. Он полагал, что все трое — Анна, Каренин и Вронский — поставили себя «в жизненно ложное положение», поэтому проклятие преследовало их везде. Значит, участники этого рокового «треугольника» сами виноваты в своих несчастьях, а условия жизни были ни при чем. Критик не верил в силу человеческого разума, утверждая, что «тайны жизни» никогда не будут познаны и разъяснены. Он ратовал за непосредственное чувство, ведущее прямым путем к «религиозному мировоззрению и христианству».

Таким образом, Громека рассматривал «Анну Каренину» и важнейшие вопросы мировоззрения Толстого в религиозно-мистическом плане.

«Анна Каренина» не получила серьезной оценки в критике семидесятых годов, идейно-образная система романа осталась нераскрытой, так же как и его удивительная художественная сила.

* * *

Вскоре после завершения «Анны Карениной» Толстой вступает в новую фазу своего идейного развития. В конце семидесятых годов происходит «перелом» в его мировоззрении. Он порывает со всеми привычными взглядами дворянско-аристократической среды и переходит на позиции патриархального крестьянства. Новые идейные искания писателя нашли свое отражение и в его художественном творчестве. Толстой создает цикл «Народных рассказов», в которых популяризирует теорию непротivления злу, доктрины «совести» и всеобщей «любви». Глубокий реакционный смысл большинства «народных рассказов» не нуждается в особом раскрытии.

Н. К. Михайловский в статьях, публикуемых в сборнике, правильно указал как на одну из слабых сторон рассказов Толстого на широкое использование в них «элемента чудесного». Ангелы, видения, черти и дьяволы, «привлекаемые в качестве поэтических инсессуаров для иллюстрации известных моральных положений», создавали совершенно особый, несвойственный другим произведениям писателя, фантастический колорит в этих рассказах.

Критик справедливо усматривал в образной специфике «народных рассказов» не простую случайность, а «целую систему, обдуманный план действия...» Михайловский упрекал Толстого в том, что он намеренно внедрял в сознание народных масс «всякую чертовщину». Вместо того чтобы бороться с суевериями, распространенными в народе, он «сам сеет суеверия и предрассудки».

Вместе с тем критик указывал, что «существеннейшую тенденцию этих рассказов, главную точку, в которую почти все они бьют, составляет знаменитое непротивление злу». Объективно это приводило писателя в некоторых рассказах к идеализации «рабства и батрачества» («Вражье лепко, а божье крепко»; «Ильяс»). «Сказка об Иване дураке» была, по мнению Михайловского, наиболее яркой художественной иллюстрацией непротивленчества Толстого, но вместе с тем она обнаруживала и «изъяны теории» писателя. Перед лицом жизни его непротивление злу насилем оказывалось несостоятельным и глубоко вредным. Критик отвергал мысль Толстого о том, что «высшее мирозерцание» воплощено в евангелии. Он полагал, что рассказы Толстого принесут огромный вред народу, с которым надо разговаривать на другом языке, не прибегая к религиозно-фантастической образности.

Михайловский неоднократно выступал с оценкой творческой деятельности Толстого. В своей обширной статье «Десница и шуйца Льва Толстого»¹ критик давал обстоятельный анализ идейного развития писателя, стремясь показать слабые и сильные стороны его мировоззрения. И хотя Михайловский был буржуазным демократом, он освещал творчество писателя с прогрессивных позиций, раскрывая реакционные тенденции в его идеологии.

«Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России,— писал Ленин,— было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»².

Статьи Михайловского о Толстом также были проникнуты обличением пережитков крепостничества, благодаря этому они резко выделялись на фоне современной ему критики. Но при всех своих

¹ «Отечественные записки», 1875, №№ 5, 6, 7.

² Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 99 — 100.

беспорных достоинств они не давали и не могли дать подлинно исторического истолкования противоречий в идеологии писателя. В этих статьях отразились пороки субъективно-социологического метода критика, помешавшего ему рассмотреть произведения Толстого в свете важнейших социальных проблем эпохи. Недостатки Михайловского-критика с особой силой сказались в девяностые и девятисотые годы, когда в его идеологии взяли верх либеральные тенденции. Критик поэтому оказался совершенно бессильным в оценке одного из величайших созданий Толстого — романа «Воскресение».

* * *

В истории русской классической литературы «Воскресение» явилось вершиной критического реализма. Огромный материал, вовлеченный в повествование, позволил писателю поставить в романе ряд важнейших общественных и политических проблем, затрагивающих самые основы существования буржуазного строя.

Вместе с тем в романе с наибольшей полнотой и яркостью отразились «кричащие» противоречия в идеологии великого художника. Ни в одном из предшествующих произведений Толстой не подвергал такому беспощадному обличению все «институты» буржуазно-дворянского общества, не рисовал с такой потрясающей силой бесправного положения народа. Но именно на фоне этих ярких обличительных картин смешными и наивными выглядели его «рецепты» по спасению человечества от всех социальных зол. Религиозно-этическая проповедь Толстого реакционна в самом прямом и глубоком смысле этого слова, ибо она стремилась увести народ от борьбы с царизмом в область пустых воздыханий о лучшей жизни, в бесплодную пустыню нравственного самоусовершенствования.

Однако вопреки своим слабым сторонам роман Толстого был грозным обвинительным актом против всех устоев частнособственного общества.

Главным героем «Воскресения» несомненно является народ, а Нехлюдов со своими морально-этическими исканиями служит лишь сюжетной основой для изображения различных социальных слоев тогдашней России. Не случайно поэтому в романе очень сильно и убедительно звучат слова писателя о признании народа подлинным хозяином жизни. Труженики, эти носители «нового мира», со временем заменят господ корчагиных и других паразитов, будущее принадлежит народу. Но писатель не нашел подлинных путей для утверждения этого «нового мира» тружеников. Он наивно верил в

спасительную силу евангелия, цитированием текстов которого и закончил свой роман, но это не удовлетворило даже самого писателя. Он декларировал свои этические идеалы, но не мог воплотить их в художественные образы. Реальная жизнь не давала материала для изображения торжества морально-этической проповеди писателя.

А. П. Чехов один из первых обратил внимание на искусственность финала «Воскресения»: «Конец не интересен и фальшив, фальшив в техническом отношении»¹. В другом письме, сообщая о том, что он прочел роман Толстого «залпом», Чехов писал: «Это — замечательное художественное произведение. Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князя, генералы, тетушки, мужики, арстанты, смотрители. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крепости, спирита, — я читал с замиранием духа — так хорошо! А м — те Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосья! Этот мужик называет свою бабу «ухватистой». Вот именно у Толстого перо ухватистое. Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из евангелия — это уж очень по-богословски. Решать все текстом из евангелия — это так же произвольно, как делить арстантов на пять разрядов. Почему на пять, а не на десять, почему текст из евангелия, а не из корана? Надо сначала заставить уверовать в евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать все текстом»².

Появление «Воскресения» в печати явилось крупнейшим не только литературным, но и общественно-политическим событием. Достаточно указать хотя бы на то, что роман вызвал переполох в лагере политической реакции и послужил одним из оснований для отлучения Толстого от церкви. Что касается критических оценок романа, то для многих статей и рецензий характерно единодушное стремление затушевать, приглушить социальную остроту проблематики «Воскресения». Авторы статей нередко ограничивались элементарным пересказом романа, сопровождая его некоторыми попутными «замечаниями» о Катюше и Нехлюдове. Все остальное, справедливо воспринятое Чеховым как «самое интересное», считалось лишь «фоном», «рамой картины».

Толстой в своем романе беспощадно обличал буржуазный либерализм. Поэтому либеральная критика, всячески обходя важнейшие

социальные вопросы, поставленные писателем в «Воскресении», стремилась обезвредить обличительный пафос романа и сосредоточить внимание читателя на личных отношениях Нехлюдова и Катюши.

Редактор «благонамеренной» «Нивы» Р. Сементковский, сделавший в процессе подготовки «Воскресения» к печати более тысячи «цензурных» купюр в тексте романа, попытался одним из первых критически оценить произведение Толстого. Но он стал на путь отрицания обличительного пафоса романа, увидев «сущность... драмы... в отношениях между Нехлюдовым и Катюшей»¹. Сосредоточив свое внимание на характеристике образа Нехлюдова, критик поставил его в один ряд с Чацким и Рудиным, которые «все осуждают и ничего не делают». Этим героям противостоят люди иного склада, это гоголевский Костанжогло, тургеневский Соломин, делавшие якобы «очень много, чтобы изменить существующее к лучшему». Уже в этом сопоставлении достаточно отчетливо раскрывались политические симпатии Сементковского. Он на стороне буржуазных дельцов, которые ничем не угрожают существующему общественному строю, тогда как все эти беспокойные, ищущие героя и тот же «непрактичный» Нехлюдов выступают в роли обличителей существующего порядка. Охранительный характер такой критики очевиден.

Но наиболее яростную атаку на роман Толстого реакция предприняла в «критическом» этюде М. Москаля «Возрождение или упадок?»² Критик заявлял, что в «Воскресении» «тенденция заменила художественное творчество, то есть жизненную правду», что четыре пятых романа Толстого «состоят сплошь из отрицаний и осмеиваний существующего порядка во всех его видах и формах». Это для него совершенно неприемлемо. «Всякого рода отрицательное произведение, в основе которого лежит не созидательная тенденция, а разрушительная, представляющее нечто вроде «карикуры на существующий порядок и общество, не может быть признано художественным произведением»³. Таков основной «эстетический» тезис критика, в котором с предельной откровенностью выражены его реакционно-охранительные взгляды. М. Москаль не против тен-

¹ «Нива», Еженедельное литературное приложение, 1889, № 10, октябрь, стр. 860—882.

² Михаил Москаль, Возрождение или упадок? Критический этюд по поводу романа графа Л. Н. Толстого «Воскресение», М., 1900.

³ Там же, стр. 148.

¹ Письмо к А. С. Суворину от 12 февраля 1900 г. Письма А. П. Чехова, т. VI, стр. 47.

² Письмо к М. О. Меншикову от 28 января 1900 г. А. П. Чехов, сб. изд. «Атеней», Л., 1925, стр. 125—126.

денциозности вообще, он готов приветствовать «созидательную тенденцию», то есть все направленное на укрепление буржуазно-дворянского общества, но ему решительно претит тенденциозность «разрушительная», подрывающая основы существующего социального порядка, поэтому «Воскресение» для него лишь «псевдо-художественный шедевр».

Будучи бессилён парировать разящие удары Толстого по всем «институтам» буржуазного общества, Москаль объявляет весь разнообразный социальный типаж «Воскресения» «беллетристическим балластом», утверждая, что центральная проблема романа — это проблема возрождения Нехлюдова и Катюши. В действительности же непреходящая идейно-художественная ценность романа в значительной мере и основана на этом типаже, в котором с наибольшей силой выражен обличительный пафос «Воскресения».

От подобных «критических» этюдов мало чем отличались статьи либеральных и либерально-народнических критиков, которые в оценке «Воскресения» обнаружили свое полное идейное убожество. Так, М. Протопопов в статье с претенциозным названием «Не от мира сего»¹, предрекая полный неуспех роману Толстого, все свои усилия направляет на то, чтобы ослабить его обличительный пафос. По его мнению, роман, «созданный на таком идейном основании», не может «приобрести воспитательное значение». Защищая от Толстого «институты» самодержавной России, критик умиленно писал о суде присяжных как об одном из «светлых явлений нашей современной жизни», имеющем «благотворное воспитательное значение». Сатирическое изображение суда в романе он называет «неумной комедией» и упрекает писателя в том, что тот направляет в адрес суда «отравленные» стрелы.

Вся статья Протопопова, пользуясь его же выражением, направлена против «общественных тенденций» романа Толстого. По его мнению, и романа-то никакого нет, а «есть страстный социально-моральный памфлет, направленный против наших культурно-общественных идеалов и стремлений». Таким образом, критик выступал как убежденный защитник «культурно-общественных идеалов» либеральной буржуазии.

Н. Михайловский, к девяностым годам уже растерявший все свои демократические симпатии и перешедший на позиции народнического мещанского либерализма, в свою очередь оказался совершенно несостоятельным критиком «Воскресения». Вся его статья

¹ «Русская мысль», М., 1900, кн. VI.

о романе Толстого построена на пересказе содержания произведения и не содержит ни одной глубокой мысли. Впрочем, критик разглядел тех «врагов», с которыми Толстой, по его мнению, воюет в своем романе, их два: «Это, во-первых, «всё», точнее говоря, те общие условия, которые заглушают в отдельном человеке естественно благородный голос разума и сердца. Это, во-вторых, физическая полая любовь...»¹ Поистине жалкие и убогие выводы. Богатейшая и исключительно острая идейная проблематика романа осталась незатронутой в статье именно потому, что она была глубоко чужда Михайловскому. Вслед за многими либеральными критиками в ярких социальных картинах романа он увидел лишь «общирный и пестрый фон», на котором «рисует» история Нехлюдова и Катюши.

Критик либерального журнала «Мир божий» А. Богданович также уклонился от рассмотрения социальных проблем «Воскресения». Не выходя из круга морально-этических понятий, он стремился лишь извлечь из романа некие моральные предписания для поведения каждого. «Воскресение Нехлюдова — это вопрос о возможности воскресения для каждого, кто погряз в тине нечистой животных страстей и мелких будничных интересов и потерял свободу души»². Значение «Воскресения» критик видел лишь в том, что роман Толстого «воскресит» не одного Нехлюдова и «спасет» не одну Катюшу.

«Воскресение» с особой силой выявило жалкое состояние либеральной и либерально-народнической критики, которая стремилась увести читателя от острых проблем романа в область отвлеченных морально-этических вопросов о греховности и несовершенстве человеческой природы вообще.

* * *

Либеральная критика осталась верна себе и в дни восьмидесятилетия писателя (1908). Выражая лицемерное сочувствие «идеалам» Толстого, она обходила, замалчивала те конкретные вопросы демократии и социализма, которые ставил писатель в своих произведениях. Либералов раздражал обличительный пафос Толстого, они не сочувствовали толстовской критике существующего строя. Они использовали юбилей писателя в своекорыстных целях, стремились примазаться «к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал», чтобы разыграть роль вождя общенациона-

¹ «Русское богатство», 1900, № 3.

² «Мир божий», 1900, февраль, «Критические заметки».

нальной оппозиции...»¹ Разумеется, все критические статьи, печатавшиеся в юбилейные дни в различных кадетских и иных буржуазных органах, по существу мало имели отношения к Толстому. Они наглядно свидетельствовали об отвратительном лицемерии этих писак.

Из юбилейных статей, написанных не марксистами, заслуживают внимания лишь статьи Короленко. Еще в середине восьмидесятых годов, по возвращении из ссылки, Короленко напряженно размышлял над учением Толстого. В 1886 году состоялось личное знакомство писателя с Толстым, «Толстовцы», присутствовавшие при встрече, возбудили у Короленко глубочайшее отвращение своей «плодой фальшивостью тона».

От встреч с Толстым в памяти Короленко сохранился «яркий образ крупного, замечательного человека... Человека, идущего куда-то бодро и безустали». Но, восхищаясь Толстым-художником и Толстым-человеком, Короленко глубоко отрицательно относился к его проповеди непротivления злу насилем, которую осудил в «Сказании о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды» (1886) и в целом ряде других рассказов.

В последующие годы и в своей переписке и в дневниках он много раз и по разным поводам писал о своем великом современнике. Публикуемые в настоящем сборнике статьи Короленко являются итогом его более чем двадцатилетних наблюдений и раздумий над Толстым и его произведениями, художественными и публицистическими. Они ценны необыкновенно тонким пониманием своеобразия художественного мира Толстого, особенностей его великого искусства.

В этих статьях отразился огромный пиетет писателя к Толстому, который стоял как мощный утес, преграждавший путь мутному потоку буржуазного декаданса в искусстве. В условиях «фантастической метели модернизма» произведения Толстого воспринимались читателем как явления подлинно человеческого здорового искусства, глубоко реалистического по своей природе, «мир Толстого это — мир, залитый солнечным светом, простым и ярким, мир, в котором все отражения по размерам, пропорциям и светотени соответствуют явлениям действительности... Но кроме этой верности, чистоты и прозрачности образов, поразительна и ширина творческого захвата, огромность художественного горизонта Толстого».

Писатель взволнованно пишет о титанической силе Толстого-

художника, который выхватывает из жизни сотни людей и сообщает им яркую, неповторимую индивидуальность. Так, в романе «Война и мир» нет главного героя. «Его герой целая страна, борющаяся с нашествием врага». «Можно сказать смело, — заявляет Короленко, — что по непосредственной силе творческой фантазии, по богатству и яркости художественного материала нет равного Толстому из современных художников».

Короленко говорит о том, что вся история душевных переживаний Толстого сводилась «к жадному исканию цельности и гармонии духа». Этим он объясняет его тягу к непосредственным натурам и появление в его творчестве таких образов, как Каратаев и Аким из «Власти тьмы». Но писатель от имени «разночинной» интеллигенции осуждает толстовские идеи всепрощения, всеобщей «любви» и непротivления злу, которые чужды передовым слоям «борющегося общества и народа».

Однако в раскрытии социальных стимулов проповеди Толстого Короленко допускал ошибки. В своей статье «Лев Николаевич Толстой» он часто прибегал к сравнению великого художника с «иудеем первого века». Толстой-мыслитель воспринимался писателем как «выходец из первого века», стремившийся заменить отвратительную буржуазную современность морально-этическими идеалами «первых веков христианства». Этим якобы и питалась проповедь великого писателя. Толстой, разумеется, не был «иудеем первого века», его идеалы были порождены социальными условиями России кануна первой революции, а необычайную силу своих обличений он черпал не в догматах христианской религии, а в гневе и ненависти миллионов русского крестьянства, мечтавшего об уничтожении социальной несправедливости на земле. «Великое народное море, — писал Ленин, — взволнованное до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого»¹.

* * *

В настоящий сборник включены все статьи Плеханова о Толстом. Такие статьи, как «Карл Маркс и Лев Толстой» и «Заметки публициста», в свое время были положительно оценены Лениным. Своей острой полемической направленностью они несомненно оказывали помощь Ленину и большевикам в их борьбе против ликвидаторов. Либерально-буржуазные публицисты, а вслед за ними и

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 180.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 323.

ликвидаторы объявили Толстого «своей совестью», «учителем человечества», творцом «чисто человеческой религии». Плеханов обнажил философские корни толстовской проповеди, разоблачил нечестную игру ликвидаторов, стремившихся выдать учение Толстого за «евангелие социализма», и показал принципиальную противоположность «толстовщины» и марксизма — в этом сильные стороны его статей о Толстом, которые не утратили своего значения и до наших дней.

Главное внимание Плеханов уделяет критике учения Толстого, стремясь раскрыть его внутреннюю противоречивость, объяснить духовный «кризис» великого писателя. Находя в этом учении «много общего с христианским», он видит его характерную особенность в постоянном противопоставлении «вечного» «временному», «духа» — «телу». И хотя у Толстого нередко можно встретить отдельные проблески материалистической мысли, тем не менее в основных своих высказываниях он «остаётся крайним идеалистом». Убеждение писателя в полной независимости сознания от бытия приводило его к апологии пассивности, невмешательства в жизнь и проповеди непротивления злу насилием. Писатель полагал, что для достижения идеала личного счастья человеку незачем думать об изменении внешних условий жизни, ему надо все силы обратить на себя, сосредоточиться на личном самоусовершенствовании. Так Толстой приходит к проповеди индивидуальной этики. Но с ее помощью нельзя было решить ни одного жизненно важного вопроса.

Глубокая неудовлетворенность Толстого собой и своей жизнью, по мнению критика, и объяснялась тем, что его этическое учение якобы было оторвано от реальной жизни, лишено своего земного значения. Основной порок мышления Толстого состоял в том, что он всю свою жизнь оставался «самым чистокровным метафизиком», но в области художественного творчества писатель чужд «указанного недостатка», здесь у него нередко проявлялась стихийная диалектика.

Стремление оторвать Толстого-художника от Толстого-мыслителя и противопоставить их друг другу в полной мере раскрылось уже в первой печатной статье Плеханова о Толстом «Заметки публициста», имевшей очень выразительный подзаголовок «Отсюда и досюда». Критик писал, что он как марксист любит Толстого «только «отсюда и досюда» и считает его «гениальным художником и крайне слабым мыслителем». Собственные отступления Плеханова от диалектики к метафизике и схоластике помешали ему понять взаимообусловленность и взаимопроникновение сильных и слабых

сторон в мировоззрении Толстого, которые находили свое выражение и в его художественных произведениях и в его публицистической деятельности.

Сложный и крайне противоречивый процесс идейного развития Толстого отражал его движение к народу, к русскому патриархальному крестьянству, выразителем идеалов которого он и выступил после пережитого им «духовного кризиса». Но Плеханов рисует этот процесс как борьбу двух начал в сознании Толстого: «языческого» и «христианского», и тем самым крайне обедняет идейную жизнь писателя, лишает ее реальных стимулов.

В религиозном самосознании писателя, по мнению критика, надо искать и объяснение его отрицательного отношения к жизни «высшего сословия». Оказывается, не переход Толстого на позиции патриархального крестьянства, не гнев народных масс против самодержавно-крепостнического строя порождали обличительный пафос писателя, его резкое осуждение жизни господствующих классов, нет, его проповедь якобы исходила из христианского отрицания «всякой жизни вообще, поскольку она не служит подготовкой к загробному существованию». Робко и осторожно критик в одном случае замечает, что Толстой к концу жизни становится «кающимся дворянином» (всего-навсего!) и осознает «безнравственность» эксплуатации. Толстой, по мысли Плеханова, не мог перейти «с точки зрения эксплуататоров на точку зрения эксплуатируемых...» Он родился и вырос в аристократической среде и на всю жизнь остался верен ее традициям и преданиям. «Толстой был, и до конца жизни остался, большим баринном». Это «художник-аристократ», «бытописатель высшего сословия», в течение всей своей многолетней литературной деятельности изображавший жизнь с «дворянской точки зрения»¹. Критик резко и прямолинейно заявлял: «Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он кажется революционером. В его отрицании нет ни одного атома новаторских стремлений»². Таким образом, Плеханову осталась чуждой ленинская мысль о социальной эволюции Толстого, приведшая его к разрыву со своим классом, он настойчиво отказывал великому писателю в самой возможности перехода на позиции патриархального крестьянства.

Плеханов утверждал, что Толстой глубоко чужд современности, равнодушен к политическим и социальным проблемам эпохи, что в его творчестве и учении нет никакой связи с освободительным

¹ Плеханов, Соч., т. X, стр. 379—381.

² Там же, стр. 387—388.

движением, с русской революцией. Критик писал: «Вместо того чтобы анализировать взаимные отношения людей, Толстой, который был в сущности совершенно равнодушен к этим отношениям и интересовался исключительно собою, анализировал свою собственную психическую жизнь...»¹ Это глубоко несправедливые слова. Толстой ставил в своих произведениях конкретные вопросы демократии и социализма, он размышлял, мучился и искал путей улучшения жизни народа, но ему не удалось найти правильных решений. Он отверг путь революционного преобразования жизни, хотя временами и признавал освободительное значение революции. Но орудие подлинного обновления жизни он видел в своей теории непротивления злу насилем и нравственного самоусовершенствования. В этом сказались величайшие заблуждения Толстого, отражавшие политическую незрелость патриархального крестьянства, но они не дают никаких оснований говорить о равнодушии его к «народной доле».

Таким образом, критик оказался бессильным научно объяснить литературное наследие великого писателя, он прошел мимо огромного критического содержания и напряженного по своей страстности обличительного пафоса его великих произведений. Во всех своих статьях о Толстом Плеханов не выходил из сферы чистой мысли. Он широко цитировал «Исповедь» и другие религиозно-этические трактаты Толстого, уличая его в отступлениях от логики, но нигде не пытался раскрыть объективного смысла его напряженных идейных исканий. Плеханов не говорит, какие социальные процессы породили проповедь Толстого и вызвали его «духовный кризис». Поэтому учение Толстого осталось не объясненным до конца, так как не были раскрыты его земные социальные истоки.

В то время как Ленин в своих статьях утверждал живую связь произведений и учения Толстого с русской жизнью, с русской революцией, Плеханов был занят анализом противоречий личной мысли писателя. Пороки статей Плеханова коренятся в его отступлениях от диалектики, в его меньшевистских взглядах на природу революции 1905 года и ее движущие силы. Ленин указывал, что противоречия во взглядах Толстого можно правильно понять и объяснить, только учитывая тот протест против надвигающегося капитализма, который был порожден русской патриархальной деревней, но как раз эта точка зрения начисто отвергалась Плехановым, он не понимал значения русского крестьянства в освободительном движении, сбрасывал его с счетов революции, отводя

¹ Плеханов, Соч., т. V, стр. 131.

главную роль в ней либеральной буржуазии. Поэтому оценка им Толстого, несмотря на целый ряд правильных положений, в целом была ошибочной.

* * *

Вершиной критического постижения наследия Толстого являются статьи Ленина, в которых содержится глубочайшее истолкование важнейших проблем мировоззрения и творчества великого художника во всей их сложной противоречивости. Первая из них, «Лев Толстой, как зеркало русской революции», появилась в 1903 году, в самый разгар юбилейных торжеств, когда вся «законная русская пресса» помещала о Толстом статьи и заметки, переполненные казенным и либеральным лицемерием. Ленин разоблачил лицемерие продажных и либеральных писак. Он раскрыл глубокую связь Толстого с русской революцией, показал, что все кричащие противоречия в его произведениях, взглядах, учениях являются отражением противоречий русской жизни последней трети XIX века.

Толстого — художника и мыслителя — породила эпоха огромных социальных сдвигов в России. Стремление крестьянских масс, как указывал Ленин, смести до основания казенную церковь, помещиков и помещичье правительство, уничтожить феодальное землевладение и на расчищенной земле создать общедоступные свободные и равноправные мелкие крестьянские хозяйства питало творческую мысль Толстого-художника, определяло идейное содержание его писаний.

Толстой смешон со своими рецептами спасения человечества. Толстой велик, как выразитель интересов многомиллионных масс русского крестьянства, сложившихся у них накануне буржуазной революции в России. В его художественных произведениях и учении отразилась и сила и слабость крестьянского движения в России, глубокая ненависть крестьян, их стремление к лучшему и в то же время «незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»¹.

Ленин показал противоречия Толстого в их глубочайшей исторической обусловленности. Толстой гениальный художник, страстный обличитель всех государственных, общественных и церковных порядков самодержавной России и Толстой проповедник теории непротивления злу насилем, культивировавший «омерзительную поповщину» — эти «кричащие» противоречия в его взглядах и в его произведениях были порождены условиями исторической жизни Рос-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 185.

сии, массовым движением русского крестьянства, также полного самых кричащих противоречий.

Ленин оценивал наследие Толстого с точки зрения коренных интересов освободительного движения. Он не делал скидок на юбилей. Он рассматривал творчество писателя и его учение в свете идейных и политических проблем огромной исторической важности, решением которых были заняты большевики. В эти годы Ленин неизменно обращался к анализу политических уроков революции 1905 года. И именно в «Пролетарии», где была опубликована его статья о Толстом, он печатает статьи: «Революция и контр-революция», «О «природе» русской революции», «По торной дорожке», «К оценке русской революции», «О некоторых чертах современного распада» и другие, в которых характеризует поведение различных классов и политических партий в ходе революции. В статье «По торной дорожке» Ленин указывал на актуальное значение всестороннего рассмотрения уроков революции 1905 года: «Оценка русской революции, т. е. трех первых лет ее, стоит на очереди дня»¹.

Естественно поэтому, что и наследие Толстого было рассмотрено Лениным в тесной связи с проблемами революции. Само сопоставление имени великого художника с революцией — очень смелое, глубоко новаторское — было крайне плодотворным не только в изучении Толстого, оно явилось подлинным переворотом в литературной науке. Только Ленин мог так верно, полно, исторически глубоко истолковать наследие Толстого.

Смерть Толстого стала фактом огромного общественно-политического значения. Правительственные и буржуазные газеты заполнились некрологами и статьями, как и два года назад, насквозь лицемерными и лживыми. Ленин в статьях: «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Л. Н. Толстой и его эпоха» блестяще выразил отношение партии и пролетариата к великому писателю и его литературному наследию. Он дал в своих статьях историческое объяснение идейной эволюции великого писателя. Толстой по рождению и воспитанию принадлежал к высшему дворянству, но в исходе своих напряженных идейных исканий, отразивших искания широких народных масс, он порвал со всеми привычными взглядами своего класса и перешел на позиции патриархального крестьянства, став идейным выразителем интересов этого крестьянства. Таким образом, «духовный кризис» Толстого возник не изнутри, не в результате усилий его ищущей «совести», а

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 26.

был порожден настроениями, переживаниями широких крестьянских масс накануне первой русской революции.

Статьи Ленина явились важнейшим вкладом в марксистскую материалистическую эстетику. Они имеют огромное общеметодологическое значение. В статьях последовательно проведен важнейший принцип в оценке художественных произведений и литературной деятельности писателя в целом, принцип сопоставления его творчества с реальной жизнью народа, с освободительным движением эпохи, глубокий принцип партийности, который и служит основным критерием при рассмотрении идейной значительности и художественного уровня литературных произведений. Этим определяется и глубина новаторства художника.

Толстой создал первоклассные произведения мировой литературы, которые составили эпоху в художественном развитии человечества. С огромной силой и глубиной проблема мирового значения Толстого освещена Лениным в статье-некрологе «Л. Н. Толстой». Толстой, рисуя старую дореволюционную Россию, Россию помещика и крестьянина, «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»¹. Но он приобрел мировое значение именно потому, что в своих произведениях гениально запечатлел «черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»².

Ленин писал, что в наследстве Толстого есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Пролетариат, стоящий во главе освободительной борьбы трудящихся, по мысли Ленина, использует великое литературное наследие Толстого для революционного просвещения масс, он разъяснит трудящимся значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности, буржуазных отношений, чтобы поднять народные массы на решающий штурм царской монархии, на свержение капитализма.

Уже в годы советской власти Ленин не раз высказывал свое чувство огромной гордости гением Толстого, он хорошо знал и любил его произведения. Горький вспоминал, как в одно из посещений Ленина он увидел на его столе том «Войны и мира». Владимир Ильич сразу же заговорил о Толстом: «— Какая глыба, а? Какой матерый человечик! Вот, это, батенька, художник... И, — знаете,

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 293.

² Там же, стр. 294.

что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого»¹.

* * *

Сам Горький свое отношение к великому писателю выразил в изумительном очерке «Лев Толстой». Жадный интерес к Толстому возник у него уже в девяностые годы, но особенно усилился после личного знакомства и общения с писателем. Горький испытывает к Толстому чувство глубочайшего уважения, даже благоговейного почитания, он видит в нем «колоссального человека», необыкновенную «творческую силу», и не раз Толстой изумлял и потрясал Горького всем богатством своей удивительно одаренной натуры. Он являлся перед ним как кудесник, знающий все тайны жизни человека, как «умелый испытатель земли», от «острых глаз» которого «не скроется ни один камень и ни единая мысль», как невиданный волшебник слова, поражающий своей многогранностью: «Он какой-то необыкновенный человек — оркестр...» А в письме к С. Венгеру Горький рассказывал: «Это самый удивительный человек, коего я имел наслаждение видеть. Я много слушал его, и вот теперь, когда пишу это, он стоит предо мною — чудесный, вне сравнений»².

Горький проникновенно писал о мировом значении Толстого-художника, силой своего гения потрясшего весь мир и обратившего на Россию «изумленное внимание всей Европы». В другой раз писатель выразительно сказал о нем: «Пушкин и он — нет ничего величественнее и дороже нам». Горький безгранично любил Толстого-художника и в своих «Заметках» воссоздал многогранный облик живого Толстого со всем богатством его изумительной личности. «Может быть, никто, — писал Луначарский, — так хорошо не дал живого портрета Толстого, как Максим Горький, который с чуткостью большого художника сумел восстановить не елейного старца вроде «господа бога-отца», а подлинного Толстого, кипящего страстью...»

Но восторгаясь Толстым-художником, Горький находил резкие слова для оценки его учения, он неустанно разоблачал колос-

¹ М. Горький, Собр. соч., т. 22, М.—Л., 1933, стр. 215—216.

² М. Горький, Материалы и исследования, т. III, М.—Л., стр. 112—113. После 23 июля 1908 г.

сальный вред для освободительного движения его теории непротivления злу. Горький, проповедник активного, революционного отношения к жизни, резко осуждал Толстого, как «апостола терпения и кротости», о его теории непротivления злу он говорил, что не знает «лозунга, более обидного для человека». Каратаева он оценивал как «полумертвого фаталиста» и в своем Луке развенчал этот образ лукавого «утешителя». Он вел неустанную борьбу с карагаевщиной как с идеологией, глубоко чуждой русскому народу. Горький с убийственной иронией писал о моральном ничтожестве «толстовцев», которые, как «маленькие, осторожные собачки», бегали около «величественной колокольни» и наперегонки подывали ее звону, всячески «враждебному моей вере».

Вместе с тем Горький указывал на огромное познавательное значение произведений Толстого: «Он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература... Не зная Толстого, — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

Опираясь на материал «воспоминаний» Горького о Толстом, Луначарский, статьями которого завершается сборник, борется с легендой о Толстом как «елейном старце», созданной «толстовцами» и искажавшей подлинный облик великого художника. Он характеризует напряженные идейные искания Толстого, его глубочайшую ненависть к капиталистическому миру, ко всякому гнету и насилию над человеком, оценивает эстетические взгляды писателя, его новаторство в области художественного творчества, стремление к подлинной простоте и правде в искусстве.

Луначарский один из первых литературных критиков широко использовал статьи Ленина для изучения важнейших проблем жизни и творчества Толстого. Он говорил об огромном основополагающем значении этих статей для развития всего советского литературоведения. Критик писал: «Статьи Ленина о Толстом нуждаются в особенно пристальном рассмотрении. Они дают во всем главном исчерпывающее истолкование такого гигантского литературного и общественного явления, как творчество и учение Толстого, представляя собой блистательный образец применения ленинского метода к литературоведению».

К сожалению, гениальные идеи Ленина, его необычайно плодотворный диалектико-материалистический метод исследования литературных явлений, подлинная большевистская партийность в оценке творческой деятельности писателя еще не в полной мере восприняты исследователями Толстого. Иначе чем же можно объяснить,

что советский читатель до сих пор не имеет научной биографии Толстого, а также монографии, охватывающей основные проблемы творчества великого писателя, и книг о его крупнейших романах. Потребность в таких работах огромна. Советские литературоведы обязаны дать их читателям в ближайшие годы. Но правильно решить важнейшие задачи в области изучения жизни и литературного наследия Толстого исследователи могут, только овладев глубочайшим и разносторонним содержанием ленинских статей, ленинским методом анализа литературных явлений.

В 1910 году Ленин с горечью писал, что «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России»¹. Но он провидел наступление того времени, когда трудящиеся в результате победы социалистической революции, свергнув иго помещиков и капиталистов, создадут себе нормальные человеческие условия жизни, приобщатся ко всем богатствам культуры. И вот тогда произведения Толстого будут высоко ценимы и читаемы народными массами.

Это время пришло. Толстой со своими гениальными произведениями стал живым явлением современности; он активно участвует в той непримиримой борьбе с мировой реакцией, которую ведут советский народ и его многочисленные друзья во всем мире.

Великое литературное наследие Толстого является подлинной жемчужиной нашей культуры. Оно вызывает в каждом советском патриоте чувство законной гордости за русский народ, выдвинувший из своей среды величайшего художника мира.

С. Бычков

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 293.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С. Бычков. Толстой в оценке русской критики III

В. И. ЛЕНИН О ТОЛСТОМ

Лев Толстой, как зеркало русской революции	3
Л. Н. Толстой	8
Не начало ли поворота?	13
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение	15
Толстой и пролетарская борьба	18
Герои „оговорочки“	19
Л. Н. Толстой и его эпоха	25

РУССКИЕ КРИТИКИ И ПИСАТЕЛИ О ТОЛСТОМ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого	33
Рассказы графа Л. Н. Толстого	47
Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым. Ясная Поляна. Книжки для детей. Книжка 1-я и 2-я	54

Д. И. ПИСАРЕВ

Три смерти. Рассказ графа Л. Н. Толстого	74
Промехи незрелой мысли	87
Старое барство	148

П. В. АННЕНКОВ

Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»	185
---	-----

М. И. ДРАГОМИРОВ

«Война и мир» с военной точки зрения (статья первая)	213
--	-----

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Еще о гр. Л. Н. Толстом	237
Опять о Толстом	258

В. Г. КОРОЛЕНКО

Лев Николаевич Толстой (статья первая)	266
Л. Н. Толстой (статья вторая)	289

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Симптоматическая ошибка	295
Толстой и природа	300
Заметки публициста	304
Смещение представлений	315
Карл Маркс и Лев Толстой	338
Еще о Толстом	361

М. ГОРЬКИЙ

Лев Толстой	381
Лев Толстой (отрывок)	423

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

О творчестве Толстого	430
<Толстой и Горький>	453
<Ленин о Толстом>	466

Примечания	479
----------------------	-----

